

Виктор Ааб

Старое новое предприятие

1988 год. Телефонный начальник

Виктор Ааб
Старое новое
предприятие. 1988 год.
Телефонный начальник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31186736

ISBN 9785449062802

Аннотация

Книга из серии «Телефонный начальник». Предприятие реорганизуется и пока непонятно – на пользу или во вред. С одной стороны, стало легче – повысилось качество работы сети. С другой стороны, новых людей надо вовлекать в управление производством. Добавляется проблем, но жизнь продолжается.«Больше демократии» – очередной лозунг будоражит общество. И первые сомнения – а все ли начинания перестройки полезны для страны? Что-то не так... Книга написана предельно честно и основана на реальных событиях.

Содержание

Часть первая. СВЕЖИЕ ВЕТРЫ	5
Глава 1. Из тех – кто остался	5
Глава 2. Неудобные вопросы	13
Глава 3. Новый профорг	16
Глава 4. Первые ласточки	22
Глава 5. Заместитель как подарок	28
Глава 6. Кем заменить дезертира?	35
Глава 7. Избирательная чёрствость экономиста	44
Глава 8. Кому, на самом деле, наказание?	51
Часть вторая. ПАРТИЗАН	57
Глава 9. Посторонние мысли обо всём	57
Глава 10. Перевоплощение в офицера	62
Глава 11. Как – без самоволки?	70
Глава 12. И здесь, надо воспитывать	75
Глава 13. Дыхание реальной службы	82
Глава 14. Смутная тревога, навеянная статьёй в газете	86
Глава 15. Визит к начальнику ГТС	92
Глава 16. Пора – домой	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Старое новое предприятие 1988 год. Телефонный начальник

Виктор Ааб

*Простым людям, сынам Отечества, бесследно
растворившимся в пучине перестройки...*

*Совпадение имён, фамилий и названий
местности носит случайный характер.*

© Виктор Ааб, 2018

ISBN 978-5-4490-6280-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. СВЕЖИЕ ВЕТРЫ

Глава 1. Из тех – кто остался

Не могу разобраться сам с собой. Не могу разобраться – чего же всё-таки хочу, и чего мне не хватает? А получается, что не хватает мне того очерченного, очень хлопотного круга проблем, к которым с таким трудом, наконец, привык. Привык к сопровождавшему меня, эти два года, самоощущению, которое выражается буквально двумя словами – постоянный стресс.

Стресс даже глубокими ночами, когда, вдруг, подкидывает трель телефонного звонка, и ты, в потёмках, по выверенному маршруту, пробираешься к телефонному аппарату, установленному в прихожей, стремишься, побыстрее заглушить его. Как бы детей не разбудил! И из трубки, откуда-то из глубины ночи, слышишь хриловатый от недосыпа, голос бодрствующей, сменной телеграфистки

– Виктор Васильевич, прошёл сигнал «Ракета».

Так, минимум, один раз в неделю, военные ведомства проверяют бдительность оборонительных звеньев государства. И хоть уже давно знаешь – сигнал – учебный, всё равно, тревожный холодок навевают кодовые слова.

И уснуть, после каждой такой побудки, сразу не удаётся.

Полная разрядка наступит утром, после доклада начальника телеграфа о том, что учебная телеграмма обработана успешно, и без нарушения установленных сроков, доставлена всем адресатам. Таков «крест» начальника ТТС. Он обязан, одним из первых, «быть в курсе», и в случае чего, нести полную ответственность за сбой в работе оповещения.

Всё, телеграф теперь не твой! Так стоит ли переживать о такой потере? Может быть, по ночам теперь, будешь спать спокойно.

А внутренний голос подначивает самого себя

– Но ведь, с уходом двух цехов и фигура ты уже не та, Виктор Васильевич! Уменьшился твой вес в иерархии начальствующего состава областных связистов...

– Ну и что, что уменьшился? Вроде бы, в ближайшее время, начальником управления связи быть ты не стремишься. А в глазах регионального, местного руководства ты как был начальником городской связи так им и останешься. Зато, может быть, поспокойнее будешь.

Ох, буду ли... Ведь спокойствие – это не должность, это – характер...

В духе времени формулировка приказа:

– «...в целях упорядочения структуры управления, и в связи с подготовкой к переводу отрасли, с 1 января 1988 года на полный хозрасчёт, самофинансирование, и двухзвенную систему управления... передать трудовые книжки и личные дела следующих работников...».

В списках, фамилии – 120 человек, составляющих цех междугородной связи, 55 – из цеха телеграфа, 6 – из службы электропитания, 12 – из прочих служб. На 193 человека полегчало моё предприятие. Может быть, действительно, полегче станет...

– «... В связи с реорганизацией Синегорской телеграфно-телефонной станции в Городскую телефонную станцию – сделать соответствующие записи в трудовые книжки работников».

Сколько их у меня осталось – этих работников? Вместе со мной – 170 человек. Обыкновенное, среднее предприятие.

Подписаны соответствующие приказы и на руководящий состав ГТС. Вот только, с экономистом – проблемы. Всё не покидают Мурносову иллюзии, что всё-таки, управление связи заберёт её к себе. Я по складу характера очень трудно расстаюсь с людьми, и по большому счету, как экономист, Валентина Васильевна меня устраивает. Поторапливаю

– Решайтесь поскорее, Валентина Васильевна! Большое предприятие... маленькое... Какая разница? На любое предприятие, в начале года, новые проблемы наваливаются как снежный ком.

Мне нужна определённости с экономистом ГТС.

Знаю, что по-своему, обрабатывают Мурносову и Макарычев и Пильникова. А её всё не устраивает что-то, и что именно, понять невозможно. Сомнения её неопределённые,

загадочны. Что она хочет выгадать? – непонятно, но с каждым днём её сомнения, из-за зависшей неопределённости, приобретают форму страха.

Фенин, по-прежнему, непреклонен. Даёт понять, что ещё немного времени и должность экономиста ГТС может занять свежий человек. А просто рядовым экономистом Мурносова быть не хочет. Только 25 января развеет она, наконец, свои колебания, и приказ о её назначении на ГТС будет подписан.

А пока утрясает она проблему с работниками участка электропитания. Инженер электропитания Яровая Надежда Дмитриевна, наоборот, категорически не желает переходить в областное предприятие.

– Найдите мне какую-нибудь работу на ГТС – умоляет она.

Надежда Дмитриевна почему-то презирует управление связи. У неё «зуб» на управление ещё с тех времён, когда ТТС, «с их помощью», неуклонно тонула в своих проблемах.

Легко сказать – найдите! Возможности по манёвру кадрами, на вдвое уменьшившемся предприятии, значительно сузились.

– Но ведь в цехе АТС остаётся достаточно собственного оборудования электропитания! Оно по циклу своему автономно работает, и не зависит от той части, что передано управлению связи. Его ведь, тоже, надо обслуживать – резонно замечает Яровая.

– И действительно, – почему бы нам не иметь соб-

ственную группу электропитания? Ведь и АТС-7, и АТС-9, и АТС-66, и нарождающаяся АТС Васильковского микрорайона, имеют собственные энергоисточники, включая старенький дизель «семёрки», включая собственные энерговодоы, до которых отделившейся управлению связи службе электропитания, точно, дела не будет. Стоит подумать о собственной группе!

Мурносова, Надежду Яровую держит в подругах. Хорошо знает и учитывает Валентина Васильевна её строптивый характер. А потому понятна ей «упёртость» подруги в неприязни управления, и не пойти навстречу Яровой, бросить её на произвол судьбы, Мурносова не может.

Тщательные проведённые расчёты на штат, требуемый для обслуживания, оставшегося на ГТС электропитания, определяют твёрдую потребность в трёх работниках.

Фенин, с расчётами и изложенными резонными замечаниями, не спорит.

Так, на ГТС рождается самостоятельная энергогруппа, в составе цеха АТС. Яровая её, тут же, укомплектовывает людьми. Вместе с ней остаются на ГТС два толковых монтера-энергетика.

Инженер первого отдела и по совместительству – парторг, Мелонская Раиса Федоровна мучительно ищет выход из создавшейся ситуации. Не остаётся на ГТС такого объёма секретной работы, ради которого, необходимо держать отдель-

ного работника, а в управлении связи имеется свой, полностью укомплектованный, первый отдел. Конкретной специальности связиста Раиса Фёдоровна не имеет и ей грозит реальное сокращение.

– Кем, всё-таки, может остаться на ГТС парторг Мелонская?..

– Уборщицей?.. – ну как-то совсем не солидно! А что, если секретарём-машинисткой?.. Уже теплее!.. Сейчас, важно удержаться на работе, а дальше, жизнь сама всё расставит по местам. Вот только, куда деть существующую машинистку Иру Лосеву?

Раиса Фёдоровна по роду своих, теперь, к сожалению, упраздняемых обязанностей, тесно контактирует с инспектором по кадрам Парк Светланой Григорьевной. После недолгих раздумываний, совместно с ней, решение найдено! Лосеву надо переместить в телефонистки.

Я не могу проследивать все внутренние мотивы, предлагаемых моими специалистами, решений, а тут, даже без их предложений, как будто бы, всё само собой происходит.

В один из дней, Ирина протягивает мне заявление с просьбой, перевести её телефонисткой справочной службы. У неё обиженное лицо. Лицо, явно не гармонирует с проявленной добровольностью. Но я вряд ли узнаю, как её обрабатывали. Не придаю этому особого значения. Молодая девушка! Может быть, ей просто хочется сбежать от так опостылевших, вечно недовольных и шумных посетителей приёмной!

Подписываю заявление на перевод с сожалением. Я уже привык к сложившемуся ритму работы приёмной, и сбой этого ритма сейчас, мне не нужны. А их и не происходит. Все решается как бы само собой.

Следом за заявлением Лосевой, Парк Светлана приносит согласие Мелонской – поработать в приёмной секретарём-машинисткой, и это гарантия, что режим работы приёмной не изменится.

Меня это устраивает, да и парторг Городской телефонной станции ещё понадобится, ведь закрыть партийную организацию предприятия, даже, если она и уменьшилась более чем в два раза, никто не позволит.

Двухзвенная система управления, что же это такое? В чем её преимущества? Оказывается то, что Областное производственно-техническое управление связи, являясь координирующим центром организации работы многочисленных производственных предприятий области, что само по себе очень важно, ещё, разрабатывает и решает стратегические вопросы развития связи на подведомственной территории, наконец, контролирует в целом работу связи области – производством не считается!?

Да, и очень уж портит статистику, что в управлении связи одни чиновники работают. Слишком уж раздут в стране чиновничий аппарат.

А вот, взяли они под своё крылышко парочку производственных цехов – все! Чиновниками они уже не являются, вернее, не так явно выглядит их количество, на фоне многочисленных телефонисток, телеграфисток и ИТР межгорода и телеграфа.

Странно, что никто не обращает внимания на явную нелепость, даже, названия теперь, головного предприятия связистов – ПО ОПТУС. Производственное объединение областного производственно-технического управления связи. Масло – масляное...

Зато, министерство связи, теперь, непосредственно управляет производством! Двухзвенная схема...

А то, что теперь, управление связи, явно озабоченное своими прямыми производственными обязанностями, конечно же, меньше станет уделять внимания нуждам и проблемам, почти таких же теперь, как оно само, но – не головных предприятий, – над этим, похоже, никто не задумывается...

Глава 2. Неудобные вопросы

По вечерам, решаю проблемки, соскучившихся по мне, дочурок. Потом, дождавшись, когда они, одолеваемые сном, наконец, уgomонятся, уютно расположатся, – одна на коленях, прижавшись к груди; вторая, – просто, к тёплому, папиному боку, – расслабившись в углу дивана, смотрю телевизор.

Свежие ветры веют по моей стране. К ставшим уже привычными, таким словам, как «гласность, перестройка» – добавляются всё новые и новые. Самофинансирование и хозрасчёт, Закон о государственном предприятии, госзаказ...

Слова, рисующие неизведанные перспективы. Они пьянят, они прогнозируют мощный рывок в развитии страны, они сулят скорое, очень скорое, реальное улучшение жизни своих граждан.

Ошеломлённые, вылившейся как вода из ушата, Гласностью, критически оценивая свою собственную жизнь, все мы начинаем с удивлением и некоторой растерянностью, задавать сами себе вопросы.

И действительно, – почему проживая в самой мощной и богатой ресурсами стране, стране ставшей победительницей в самой тяжёлой из случившихся войн на земле, стране – лидере по многим экономическим и научным достижениям, – мы унизительно отстаём, по условиям жизни, от за-

гнивающих в алчном и бесчеловечном капитализме – западных стран?

Да что там! Если бы, только, западных...

Вот и недавно, побывавший по путёвке профсоюза в Германской Демократической Республике монтер радиоузла Шершнев Валера с упоением рассказывает, что он побывал в стране, в которой, по его словам, практически построен коммунизм.

Но ведь это тоже, социалистическая страна! Страна, ставшая социалистической гораздо позже нас! Страна, не меньше нас пострадавшая в той, проклятой войне. Там – коммунизм, а здесь – застой... Нет, не умеем мы работать!

Но почему, же сейчас, когда многие причины своей, «плохой» жизни мы узнали – устранить нормально эти причины мы не можем?

Вот и бич моей страны – пьянство! Так рьяно с ним боролись, буквально, год назад, что, оказывается, повырубали все виноградники! И теперь, просто не из чего делать даже хорошее вино. Вот уж воистину – заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибёт...

Да что там – вино! Сахар как будто корова языком слизала с прилавков. Теперь его продают по талонам. Говорят, что теперь, весь сахар в стране несознательными гражданами переводится на производство самогона. Ведь водка в стране – теперь, тоже, по талонам! Ну, а коли по талонам – то, полагается она и моей семье.

Мне не нужна водка, я просто не испытываю потребности её пить, но коли она мне положена – надо её выкупить. Не пропадать же добру... Складываю бутылки в ящики – может быть, пригодится на какое-нибудь большое торжество.

Но, коли этот, пресловутый литр в месяц, полагается по талону и, упорно перебарывающему тягу к пьянству, кабельщику Вите Чурсину, то он, получив её, теперь, уже навязанную ему государством, непременно её, проклятую, выпьет. Вот он – результат бездумной кампанейщины! Вот и доборолось государство с пьянством, до непредвиденного финала...

Но, тем не менее, Витя Чурсин, а с ним и вся бригада кабельщиков-спайщиков на работе нетрезвыми, пока, не замечены. И одна из причин этого – страх лишиться складывающихся сейчас в приличные суммы их заработков. Как долго такое положение удастся сохранить...

Глава 3. Новый профорг

Веют свежие ветры над государством. Моему новому старому предприятию тоже, вот-вот, придётся начинать осваивать хозрасчёт.

А пока, надо провести собрание по итогам года. И одна из причин поторопиться с этим – необходимость выбрать Председателя профсоюзного комитета ГТС.

Не может жизнь предприятия нормально протекать без профсоюзного комитета. Организация соцсоревнования, согласование и утверждение бесчисленных социальных решений, разработка и утверждение коллективного договора, наконец, – куда от этого деться.

И хотя итоги прошедшего года разошлись, разделились, по двум разным коллективам, – работников обновившегося предприятия собрать – самое время. Люди должны быть уверены – вновь образовавшийся коллектив ждёт прекрасное будущее, и хоть задачи у этого коллектива, в принципе, остались прежними и чётко сформулированы – напомнить о них совсем не помешает.

Кандидат на вакантную должность Председателя профкома – один. Это инженер по технике безопасности Аликина Лидия Ивановна. На занимаемой ею не хлопотной должности, дополнительно исполнять общественные обязанности будет не накладно.

По складу характера, Лидия Ивановна совсем не профсоюзный лидер. Незаметна и скромна, но послушна и исполнительна. Макарычев знает её гораздо лучше, чем я и считает, что в переломное для ГТС время, она с важной общественной нагрузкой, справится. А там – видно будет.

Впрочем, это не совсем общественная работа. Председателю профкома полагается надбавка к окладу. Для Аликиной эти деньги лишними не являются и она, в принципе, не против своего избрания.

Людей в зале – добрая половина коллектива. Но впервые, нет здесь крикливых и запыленных телефонисток, обычно создающих своими нарядными блузками праздничную обстановку. И если ранее на собраниях ГТС превалировали женщины, то теперь, явно ощущается весомое присутствие мужчин.

Сосредоточенные, от осознания своей важности, кабельщики. С любопытством озирающиеся по сторонам и здоровающиеся со своими многочисленными знакомыми, линейные монтеры.

Выглядят несколько отчуждёнными и настороженными радиоузловцы, оккупировавшие отдалённые ряды Красного уголка. Скромно прячутся за спины своих товарищей водители, совсем не привыкшие к вниманию.

Синим, единым пятном, жидко разбавленным свободной одеждой телефонисток справочной службы, выделяется, своими рабочими халатами, цех АТС.

Дух грубой рабочей силы витает в зале. В зале явно ощущается присутствие настоящего рабочего класса. Именно он, неуклюжий и немногословный, теперь, составляет основной стержень ГТС.

Оказывается, я совсем не знаю своих людей. На моё сообщение о том, что правопреемница Телеграфно-телефонной станции – Городская телефонная станция, как узко профильное, специализированное предприятие, отныне, полностью сосредотачивает свои усилия на решении конкретных вопросов, а именно эксплуатации и развития, собственно, телефонной сети и радиофикации областного центра – присутствующие в зале, реагируют шумным, одобрительным гулом.

Особенно заметна радость на лицах работников линейно-кабельного цеха. Ещё бы! Теперь, их труд не будет сравниваться с трудом цехов межгорода и телеграфа, явно по специфике и условиям, несоизмеримым с их «приземлённым» а поэтому, тяжёлым трудом, с тяжестью, имеющей свойство, многократно усиливаться под воздействием сурового климата.

Они рады, что ушли с пути два цеха, которые при подведении любых итогов соцсоревнования, своими, гораздо легче добытыми результатами, произвольно складывающимся укором, невольно подчёркивали «никчёмность и ущербность» ИХ работы.

Пусть работают сами по себе междугородчики под кры-

лышком управления связи. Мы завидовать им, по примеру радиоузла, не будем.

Радуются гэтээсники. Они же видят как довольно их конкретное начальство – и Бугаенко, и Висящев, успевшее уже разъяснить, что теперь, у администрации ИХ предприятия иных, более важных, чем их, линейщиков, забот – нет. А славу свою они заработают сами. Только оценивать её надо справедливо. И прокормить себя новое предприятие, они уверены, сумеет.

Оригинальничает в своём выступлении Висящев:

– Виктор Васильевич, цех ЛКЦ поздравляет вас с новым назначением, – и поясняет, – теперь вам, как кучеру, ещё вчера управляющему конём и трепетной ланью в одной упряжке, не придётся выбирать – кто из них лучший? Осталась в упряжке одна рабочая лошадь...

Для меня становится совершенно неожиданной обида, откровенно выплёскиваемая оставшимся мне коллективом, на канувшую в лету Телеграфно-телефонную станцию. Я воспринимаю её уже спокойно и понимаю – эта обида не за последние два года возникла. Это обида, скопившаяся тогда, раньше, до моего правления. Но как оказывается глубоко она сидит в сердцах линейщиков! Хотя, была в сложившейся ситуации, безусловно, и вина их самих.

По большому счету, эмоции, особенно кабельщиков, мне близки. Анализируя наедине с собой работу на ТТС – я задавал сам себе вопрос. Почему, именно под моим руковод-

ством, удалось, практически за год, вырваться предприятию из глубочайшего кризиса, почему этого не произошло ни под руководством Мирославцева, Мартьянова, Макарычева, Ковалёва, наконец?

И приходил к убеждению, – они, конечно, понимали ключевое значение линейно-кабельного цеха в функционировании всей связи. Но они не прочувствовали на своей шкуре, на личной практике, всей тяжести этой работы и ответственности за её результаты, на себе. Так, как это прочувствовал я во времена своего становления как связиста в Эксплуатационно-техническом узле связи, когда вынужден был, несмотря на высокую занимаемую должность, с лопатой в руках, наравне с рядовыми монтерами и кабельщиками, их работу выполнять.

В силу склада своего характера и опыта, на ТТС я просто не мог давать оценку их труду, прежде, не пропустив ход действий работников линейно-кабельного цеха через себя, через своё восприятие. Именно это обстоятельство дало мне возможность холодным рассудком, руками Висящева и Бугаенко, справедливо, и распределить, и оценить их труд. И именно это, и привело ТТС к выходу из кризиса.

И хоть я междугородчик по профессии, оказалось, что сердце моё принадлежит кабельщикам. А люди это тонко чувствуют... Хотя междугородчики на меня, думаю, тоже, обидеться не успели.

Дуются только радиоузловцы, и причина этого для меня,

пока, непонятна окончательно. Всё им кажется, что я ущемляю их радиоузел.

Присутствовавшие на собрании и Фенин, и председатель Областного профсоюзного комитета Ситникова в один голос уверяют радистов:

– Как работали, – так и будете работать...

Кандидатура в Председатели профкома ГТС —Аликиной Лидии, одобряется единодушно. Может она теперь формировать свои комиссии...

Глава 4. Первые ласточки

И всё-таки, самый главный вопрос, вписанный в повестку собрания – обсуждение и принятие нового Коллективного договора между профсоюзом и администрацией.

И, конечно же, особое место в пунктах договора занимает новая сетка премирования кабельной бригады за снижение повреждений. Она ужесточается, но происходит это эволюционным путём.

Весь летне-осенний период бригада проработала строго в рамках того первого, не меняющегося с 1986 года соглашения, которое позволило вырвать предприятие из кризиса, существенно снизить кабельные повреждения, и более того, позволило свести их к приемлемому на прошедший период времени, количеству. Но сделать так, чтобы на конец дня, этих повреждений было – ноль, – нам всё-таки, не удалось.

Заложенное действующей, до настоящего времени, сеткой, количество повреждений между 150 и 50 позволило кабельщикам иметь максимальные восемьдесят процентов премии к окладу и без «нуля» – на конец дня. И никакая идеологическая обработка их, начальником цеха, никак не приводила к заветной для меня и Макарычева, цели.

Да, на начало этого года мы имели лучший, просто невероятный, в том числе и для управления связи, результат **в двадцать восемь повреждений!** Но это не был **НОЛЬ**.

И сейчас, когда повреждения медленно, но продолжают снижаться – снижаться руками кабельщиков, которым в душе, по-прежнему, совсем не хочется окончательно избавиться от них, – потихоньку, к нулю они приближаются. Только сейчас, заставляет их сделать это не сетка премирования, не Штольц, не Макарычев и не Висящев.

Сделать это их заставляет – мороз. Это он усиленно работает над повышением изоляции кабельных жил. Это он не даёт возможности строителям рыть землю и рвать кабели. Это он оберегает сейчас сети от всяких непредвиденных ЧП.

Куда деваться кабельщикам? Хоть и короток зимой световой день, но его достаточно, чтобы основательно заняться оставшимся, немногочисленным количеством одиночных повреждений, и наконец, устранять их, что они, вольно или невольно, делают.

С одной стороны, структурные изменения, происходившие с предприятием, мучают душу. А с другой, вот уже полтора месяца нового года, разжигают во мне нешуточный азарт игрока, положительные эмоции, от предвкушения достижения заветной цели. И азарт этот распространяется на моих надёжных союзников Висящева и Макарычева.

Против нас, по-прежнему, играют всё ещё сохранившиеся в душах и монтеров, и кабельщиков, ностальгические страсти по временам хаоса и коллективной безответственности. Но они, после изнурительной двухлетней борьбы, всё теряют и теряют свои силы. В их руках, и весной, и летом, и осенью

были природные козыри, негативно воздействующие на сеть, но впервые за многие годы, кабельщики не сумели их грамотно применить.

Не сумели, или не захотели? Этого мы не знаем точно. И вот сейчас, пусть на короткий зимний срок, эти козыри, зимой, обернулись плюсом, для нас. И пользуемся ими мы сейчас, на полную катушку.

Разгул метелей укорачивают усиливающиеся морозы, и давят они всех и вся. Съёжившись от холода, люди ходят по улицам, а нам с Висящевым и Макарычевым всё нипочём. Мы высматриваем, считаем и наслаждаемся «ласточками». Этими летними птицами, доставляющими нам, «прилётом своим», среди разгула зимы, неопишное удовольствие.

Первая «ласточка» появилась и промелькнула перед нами 7 января. Именно в этот день на АТС-7, на конец дня, не осталось ни одного кабельного повреждения! Она вновь полетала над этой станцией 13 января, потом – пятнадцатого, двадцатого и совсем не улетала оттуда с двадцать второго по двадцать пятое января.

Я не удержался и приехал на АТС. Я никогда не видел такого счастливого лица кроссового работника. Это была Таня Белоногова. Её окружала тишина. Тишина на кроссе – когда такое было?! Нет повреждений!!!

Вслед за первой «ласточкой» прилетела и вторая. На этот раз, уже – на АТС-4. На самой крупной АТС города, в которую включено более пяти тысяч номеров – 15 января, тоже,

не нашлось места кабельному повреждению. И тоже – неопи-
суемая тишина на кроссе. Как она, оказывается, радует слух!

Хоть и молодые, но уже очень опытные, работницы кросса
Зоя Байорис, Шура Калугина, оглушённые тишиной, твер-
дят в голос

– Виктор Васильевич, неужели такое, может быть?! Нет,
это случайность...

– Случайность... не случайность... – но, хронических за-
валов на вашей АТС больше не будет. В этом можете быть
твёрдо уверенными, – успокаиваю я их, – но конечно, это
может быть обеспечено только слаженной работой ВСЕХ
членов коллектива, имеющих к повреждениям отношение,
в том числе и вашей.

– Мы не подведём, Виктор Васильевич, – бубнит скоро-
говоркой эмоциональная Зоя. Уж теперь-то, ни одно, по-
явившееся вновь повреждение, мы не упустим из вида, пока
не убедимся, что оно надёжно устранено.

«Ласточка» сделала только разведывательный облёт. Бук-
вально в этот же день, на АТС-4 возникли и держались
не устранёнными – целых три дня, два кабельных поврежде-
ния. 19 января – осталось одно, и двадцатого января «ла-
сточка» посетила АТС-4 вновь.

Всё чаще и чаще АТС-7, АТС-4, а новой АТС-9 Северной
промзоны и сам Бог велел, выходили, на конец дня, с нуле-
вым количеством кабельных повреждений!

Такого никогда не было на памяти городского предприя-

тия связи. Результат января по работе с кабельными повреждениями был ошеломляющий – целый месяц в среднем, в день было **всего 5 кабельных повреждений!**

И как-то, очень быстро, такое положение стало привычным и обыденным. Конечно, так и должно было быть! Но я-то помнил, – ещё полтора года назад, на людей, утверждавших, что так может быть, скептики из управления связи смотрели как на свихнувшихся мечтателей.

На собрании не возникло ни одного оппонента, оспаривающего целесообразность ужесточения сетки премирования за количество кабельных повреждений, а правильное – приведения её в соответствие с достигнутыми результатами работы.

Новая, более жёсткая сетка, кабельщикам оказалась не страшна. Они сами на практике убедились, что она реальна для исполнения. Они сами увидели, что у них появился реальный запас времени, позволяющий до предстоящего периода паводков, существенно упрочить состояние линейно-кабельной сети.

И они не возражали против того, что теперь 80 процентов премии они смогут получить при количестве повреждений, на конец месяца, не превышающем – 25. И как крайняя мера, при количестве повреждений превышающем – 200 – действие сетки отменяется.

Фенин Андрей Алексеевич, очень заинтересованно следивший за реакцией коллектива, на ход обсуждения сетки,

удовлетворённо хмыкал, перебрасывался репликами с сидевшей рядом Ситниковой Полиной Ивановной, и по его лицу было понятно, что сегодня ему, тоже, ничего не жалко для ГТС ради отсутствия повреждений на сети.

Глава 5. Заместитель как подарок

Быстро пролетают дни февраля, а обещанный, в эйфории собрания, самими кабельщиками НОЛЬ кабельных повреждений на конец дня, в целом по предприятию – по-прежнему, оказывается недостижим. Самая старая станция города – АТС-6, упорно не желает очиститься полностью от своих застарелых и закоренелых болячек. Вот уже середина месяца, а два последних повреждения отодрать от неё всё ещё не удаётся.

И всё-таки – 19 февраля, она поддается напору кабельщиков – и «сдаёт» ещё одно повреждение.

Я уже не знаю – чья это заслуга – кабельщиков, или, беснующегося в городе лютого мороза. По большому счету – это не важно. А вот то – что 23 января, наконец-то, влетела «ласточка» в кросс АТС-6 и с её прилётом, в Синегорске, на всей сети ГТС, не нашлось места ни одному кабельному повреждению – этот факт, моей душе – невозможно было переоценить!

Городская телефонная станция преодолела важнейший психологический рубеж в истории своего развития. Самому упёртому защитнику теории неизбежного наличия бардака на телефонной сети – в этот день, наконец, наглядно было продемонстрировано – эта теория потерпела крах.

Успех ещё предстояло закрепить, но отныне администра-

ция Городской телефонной сети, по вопросам качества работы сети, получила долгожданную возможность со своими работниками вести диалог на понятном всеми сторонами – языке.

Как это ни странно – достигнутый НОЛЬ был отмечен людьми, лишь некоторым всплеском оживления, и в целом, был воспринят коллективом как обыденный результат. 23 февраля он просто стал маленьким придатком к традиционным поздравлениям в день Советской армии – мужчин, своими коллегами – женщинами.

Опасения, что на гребне реорганизации Городская телефонная станция может потерять наработанные Телеграфно-телефонной станцией темпы работы – постепенно, рассеиваются. И всё-таки нет-нет, а периодически болью отдаются в душе ощущения, сходные с теми, которые я испытывал в начале 1986 года, при назначении на ГТС.

Чувство горечи, что опять, меня вынудили принять, даже не спросив моего мнения, новое предприятие – Городскую телефонную сеть. Мне опять, просто не дали выбора. А нравится это или не нравится – поручили работу и – исполняй!

И мешать тебе особо не будем и помогать – тоже. Не жди кабеля и материалов – их по-прежнему нет на эксплуатацию. И обстановка со снабжением области будет только ухудшаться. Не жди квалифицированных специалистов. По-прежнему, ГТС не привлекает молодёжь, а это значит, – будешь кру-

титься в собственном соку.

Струнки моего внутреннего – Я, струнки состоявшегося инженера, тяготеющего к электронной технике, а не к голым проводам, тоже, протестуют против рутинной, руководящей работы на ГТС.

Я понимаю, – в настоящее время – нет у Фенина альтернативы для моей замены. Да и не разумно менять руководителя на только-только начавшем стабильно работать, вечно проблемном, предприятии. Фенин в обычной своей манере всё делает жёстко и без сантиментов, но я понимаю, – его решения – правильны. Я гоню прочь неприятные ощущения, ожесточённо давлю пытающегося пробудиться внутри – «жалельщика» самого себя.

Собственная самооценка – что я уже давно не просто инженер, – я состоявшийся руководитель, человек, на виду у большого количества людей и поэтому, просто не имеющий права проявлять собственные слабости, наконец, пересиливает сомнения. Непосредственные повседневные заботы, нестандартные проблемы реорганизации плотно держат в своих тисках. Вот, даже такой долгожданный, долго-долго недостижимый НОЛЬ промелькнул стаей «ласточек» среди зимы и практически сразу же, заслонился рутинной повседневных реакций на обычные события. Дни летят с невероятной быстротой. Я постепенно привыкаю и свыкаюсь со своим новым положением.

Не так уж и на произвол судьбы бросил меня Фенин в омут

городских проблем. В последние годы я очень редко встречаюсь со своими соратниками по моей предыдущей работе в области. Разве что, раз-два в год, на общих областных собраниях.

И вот, совершенно неожиданно, на приём ко мне приходит Журба Владимир Яковлевич. С ним я знаком с 1975 года. Все годы, когда мы неоднократно сталкивались по работе, он был бессменным начальником районного узла связи пригородного Синегорского района. Он был дельным начальником. Но, где-то с год назад, после перенесённого серьёзного сердечного заболевания, Журба вынужден был, по рекомендации врачей, оставить тяжёлую работу, требующую постоянных физических и нервных нагрузок. Подлечившись, он перебрался на постоянное место жительства в город.

Андрей Алексеевич определил ему работу, в Государственной инспекции электросвязи занимающуюся контролем над использованием радиочастот, а коммунисты Управления связи – чтобы не особенно расслаблялся, избрали его секретарём партийной организации.

Казалось – сиди и работай потихоньку. Но не таков был Владимир Яковлевич. Все годы, крутившийся на живом производственном предприятии, не достигший по возрасту, ещё и пятидесяти лет, он стал буквально задыхаться в атмосфере управленческого аппарата ОПТУС. В атмосфере – густо размешанной обильными внутренними склоками, интригами

и непонятными многоходовыми комбинациями, по отношению к подчинённым, производственным предприятиям связи. Возвращённый производственным предприятием он просто не мог приспособиться к проявлениям управленческого высокомерия, источаемым многими сотрудниками вновь обретённого им коллектива, по отношению к таким же, как он связистам, но остававшимся работать на этих самых производственных предприятиях. Он мучительно искал выхода, его по-прежнему, тянуло на производство и вот, кажется, этот выход нашёлся. С этим он ко мне и пришёл.

– Виктор Васильевич, у вас освободилась должность вашего заместителя, и я хотел бы с вами поработать.

Моя реакция была сдержанной. Я уже свыкся с тем, что должность заместителя с уходом Белявской и осуществлённой реорганизацией, Управлением связи автоматически будет сокращена, как излишняя.

– Владимир Яковлевич, да кто же мне позволит иметь Зама? Масштаб нынешней ГТС вряд ли к этому располагает.

– Виктор Васильевич, а что Фенин по этому вопросу с вами не разговаривал? – Журба несколько смутился, – ведь он мне эту должность и предложил...

И он рассказал о своей неудовлетворённости работой, о том, что беседовал на эту тему с Фениным и что Фенин предложил ему – перейти на ГТС, ко мне, в качестве помощника.

Нет, Фенин не бросил меня на произвол судьбы! Я не про-

сил его о сохранении должности зама, и то, что Андрей Алексеевич, самостоятельно, посчитал её не излишней – дорогого стоило. Да ещё и достойного человека на эту должность подобрал!

Наверное, я всё-таки, выглядел растерянным. Почувствовав это, Владимир Яковлевич со свойственной его характеру эмоциональностью произнёс

– Виктор Васильевич, я накушался хлеба начальника, первого руководителя. А вот, навыки руководителя теперь, у меня в крови. И я хотел бы иметь достойный моего опыта участок работы, участок, не связанный с необходимостью ходить по райкомам, горкомам. Я не боюсь ответственности. Но ответственность – первого руководителя, для меня, тяжела. Поручите мне хозяйственные вопросы, вопросы транспорта и поверьте, я буду для вас очень хорошим помощником. Думаю, вряд ли, в вашем окружении найдётся человек, так хорошо понимающий проблемы руководителя – как я. И, исходя из этого понимания – в связке с вами, я и буду работать.

Впервые, за много лет, ко мне пришёл человек искренне желавший работать на руководящей должности. Очень дельно рассуждающий человек. Человек, предложивший мне помощь в решении, именно тех вопросов, которые так и не смогла взвалить на себя, и так и не осилившая ноши Зама, Белявская. Человек, чей опыт предыдущей работы мне хорошо был известен, не равнодушный человек. Разве мог я

отказаться от возможности работать с ним. Я просто всё ещё не мог поверить своей удаче.

– Владимир Яковлевич, я с удовольствием приму вас к себе. Уж точно, – скучать на ГТС вам не придётся. Но, ваше назначение полностью зависит от Фенина.

– Ну, значит, мы с вами поработаем, облегчённо вздохнул Журба, пойду оформляться...

И действительно, спустя некоторое время, позвонил Андрей Алексеевич и о как свершившемся факте, уведомил меня о том, что заместителем начальника ГТС назначен Журба Владимир Яковлевич.

– С самого начала вновь созданное предприятие надо укреплять, – изрёк он.

В этом вопросе я с Фениным был полностью согласен.

Не ушло много времени на распределение обязанностей между мною, Журбой и Макарычевым. Родился приказ, строго разграничивший полномочия, ответственность и взаимодействие. Всё идёт к тому, что в должности начальника ГТС мне действительно работать будет легче...

Глава 6. Кем заменить дезертира?

Всё варится в едином котле. Не успел я порадоваться перспективе обретения дельного помощника – тут же, возникла серьёзная кадровая проблема в цехе АТС. В середине февраля, робко приоткрыв дверь в кабинет, протиснулся, заметно припадая на больную ногу, начальник цеха АТС Нурахметов Аскар. Бросилось в глаза напряжённое выражение на его лице, и глаза, излучавшие решительные намерения.

Нет, совсем не робко открыл он дверь кабинета. Сейчас он не был похож на того скромного, старающегося быть незаметным, человека – каковым он и был в обыденности. Как бы заранее одетый в броню, защищавшую его от возможных нападков с моей стороны он, даже не поздоровавшись, наврное, от волнения, вялой походкой совсем не гармонировавшей с решительностью, написанной на его лице, проковылял к моему столу и молча, протянул мне лист бумаги. Это было заявление об увольнении.

Для меня этот шаг со стороны Нурахметова оказался совсем неожиданным. Переживаемое предприятием время совсем не располагало к тому, чтобы разбрасываться кадрами, тем более – руководящими. Потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить преподнесённый работником сюрприз.

Я пригласил Аскара присесть, что он, нехотя и сделал. В голове стремительно прокручивалась история взаимоотно-

ношений с ним. Не дал ли я личного повода для предпринятого им шага?

Ещё до моего прихода на ТТС, руководством был дан шанс Нурахмтову, поработать в должности заместителя начальника. Осознав свою неспособность нести эту, очень тяжёлую ношу, он через некоторое время, добровольно от неё отказался. Получивший в институте основательное базовое образование, постоянно наращивал опыт инженера-практика, с обязанностями начальника цеха АТС, в принципе, справлялся.

Да, старался не выделяться. Да – очень трудно вытягивать из него слова и мысли. Да, – явно не лидер и не общественный человек, но как специалист – свой вес активно набирает, безусловно, честный и ответственный человек, – старается, хотя и без особого желания, без особых инициатив, свои обязанности исполнять. Средний руководитель. Сейчас таких – большинство.

Нет, не давал я ему повода усомниться в его способностях как руководителя цеха. Правда, года полтора назад, во время ликвидации последствий пожара на вверенной ему – АТС-66, он оказался «никаким» и продемонстрировал полную беспомощность, в решении вопросов, связанных с чрезвычайными обстоятельствами.

Но это продемонстрировал не только он, и вполне возможно, тогда, он просто не успел пробудить необходимые качества. А уже потом, просто не смог подстроиться под ини-

циативы своего непосредственного руководителя. Неглупый человек, чётко осознающий свою личную ответственность за возникший пожар, он тогда сильно перепугался, не смог совладать собой, сжался до полной незаметности и безучастно положился на судьбу.

В процессе восстановления станции я отметил для себя и запомнил действия многих людей, и героические, и прямо скажем, нехорошие действия. А вот Аскар Накишевич в те, очень непростые, тревожные и напряжённые часы и дни, просто выпал из моего поля зрения. Выпал и исчез.

Слава богу, тогда, всё закончилось хорошо. Виновных искать не пришлось. Но Нурахметов после пожара стал ещё более тихим и более незаметным.

Первое время, тогда, явственно ощущая его напуганность, я ждал от него заявление об уходе. Но он, тогда этого, казалось бы, так логичного шага – так предпринять и не смог. В душе я его понимал – с искалеченной ногой не так-то просто найти мужчине подходящую работу. Место начальника цеха на очень солидном предприятии – несомненная удача. Это и утверждение собственного «Я», и размер заработной платы, и возможность в тепле, в нормальных и даже комфортных условиях выполнять непосредственно любимую инженерную работу в соответствии с избранной профессией. Наконец, работа начальника такого цеха, как цех АТС – это, безусловно, творческая работа. Что ещё надо?..

Особых упреков за случившееся Нурахметов не получил и постепенно всё уладилось само собой. И вот – демарш.

Трудно вытягивать слова из Нурахметова. Взвинченный и накрученный сам собой – он цедит слова сквозь зубы, напряжённость на лице причудливо сочетается с маской странной отрешённости.

У меня такое ощущение, что это я виноват в том, что он покидает коллектив. Внутри меня закипает злость – мне хочется высказать всё, что я о нем думаю, но мне нельзя этого делать, я сдерживаю эмоции. Мои попытки докопаться до его души до истинных мотивов предпринятого им шага разбиваются о возведённую им броню. Наш разговор неуклонно скатывается в рамки банальной казённости.

– Что не устраивает вас в вашей работе...

– Я просто САМ не хочу здесь работать...

– Так может быть, останетесь работать просто, инженером...

– Нет, я увольняюсь совсем...

– И куда же вы пойдёте работать, если не секрет?..

– Я ухожу в строительную организацию, в СМУ Телефонстрой.

– Но там же командировки, там неустроенность быта...

– Ну и что, другие работают...

Нурахметов откровенно тяготится разговором, его раздражение нарастает. Нет у меня шанса, взломать его оборону. Становится очевидным, – решение им продумано осно-

вательно и принято окончательно. Струсивший полтора года назад Нурахметов так и не сумел преодолеть страх ответственности, всё время сопровождавшей его на АТС.

– Хорошо, я подпишу ваше заявление, готовьтесь передавать дела Гаврилюк Флёре... Но имейте ввиду, когда вы надумаете вернуться назад, если это будет от меня зависеть, я вас обратно на работу не приму.

Нурахметов знает, что я сдерживаю данные обещания, но и это предупреждение его не останавливает.

Досадно, на совершенно непредвиденном месте, возникла серьёзная кадровая прореха. Конечно, некоторое время Гаврилюк Флёра поруководит цехом, но на постоянную работу начальником она точно не согласится...

Несколько дней мы тщательно взвешиваем и обсуждаем с главным инженером способности потенциальных претендентов на руководство цехом. Совсем невелик выбор, а если говорить прямо – его просто нет.

У Макарычева что-то зреет... Знающий на предприятии «подноготные» всех и вся, он предлагает, на первый взгляд, ну совсем парадоксальный вариант:

– А что, если возглавить цех мы предложим Шмидту?

Я недоуменно вскидываю брови:

– Что ещё за Шмидт?.. Мне эта фамилия ни о чем не говорит.

– Ну как же, Виктор Васильевич! Он, сейчас, работает, в должности инженера, на новой АТС Северной промзоны. Вы с ним встречались.

У меня перед глазами выплывает серенький мужичишка с бесцветными глазами, какой-то неухоженный с виду, но очень внимательно слушавший указания, которые я давал ему при посещении новой станции.

– Александр Николаевич, ну какой же из него начальник – из него же так и выпирает необразованность, он же, по-моему, даже несколько слов связать не может, а только, при разговоре, мычит что-то невнятное...

– Э-э... не говорите так, Виктор Васильевич! Этот парень, с амбициями и характером, и специальное образование у него есть. Он, кажется, окончил техникум связи.

Да, действительно, в одном из тех, мимолётных разговоров, Шмидт успел сообщить мне, что мы с ним почти земляки. Он учился в техникуме во Фрунзе, в трёхстах километрах от Джамбула – моей родины, и там же, в Киргизии, несколько лет работал кабельщиком-спайщиком... Прямо так и выразил радость:

– Виктор Васильевич, а мы ведь земляки...

А Макарычев продолжает:

– Я считаю, что начальником цеха АТС должен быть, всё-таки, мужчина, а Шмидт уже достаточно поработал в цехе и хорошо его знает. Он достаточно твёрдый мужик и я имел возможность, на практике, проверить в процессе монтажа

телефонной станции на УМР, как он может организовать людей и добиться от них исполнения порученной работы. В одном из разговоров со мной, он как-то выразился, что ему скучно просто работать на АТС. У него, Виктор Васильевич, есть стремление к росту, – он этого не скрывает...

Макарычев раскрывает своё видение на Шмидта со всех сторон и в его предложении просматривается явный резон. Ну а то, что на вид он невзраченький – так, с лица же воду не пить...

Я не очень согласен с Макарычевым, что руководить цехом АТС должен, обязательно, мужчина, но и из женщин, работающих на АТС, лидера, пока, не просматривается, а если вообще, из мужчин выбирать, то их там, раз-два и обчёлся.

– Ладно, приглашайте Шмидта, посмотрим, чем он дышит.

С интересом рассматриваю сидящего передо мной человека. Из его личного дела знаю, – он всего на год старше меня, а вот выглядит гораздо старше. Этот вид придаёт ему рано начавшая лысеть голова, жёсткие, ещё непокорные, редкие, пегие волосы разрозненными пучками разбросаны по ней. Отсюда – и неряшливый вид, и невзрачность...

Но то, как он держится – мне нравится. Он, конечно же, знает, с какой целью его пригласили, безусловно, волнуется, но это волнение проскальзывает, если только тщательно присмотреться. Немногословный, он растягивает речь, под-

бирая слова, но мысли свои формулирует чётко. Приятная неожиданность – в общем-то, из тщедушного вида, с лица выбивается открытый смелый взгляд. Чувствуется внутренняя уверенность этого человека в своих силах и продуманная осознанность согласия на предлагаемую ему работу.

Задаю ему прямые открытые вопросы:

– Александр Семёнович, коллектив женский, требует особых подходов к управлению, – не боитесь?..

Несмотря на тот опыт, который у вас имеется, вам придётся, очень многому учиться вновь, и на ходу, – сможете?..

И вообще, как вы ощущаете себя внутри, – нагрузку ведь взвалите серьёзную, – справитесь?..

– Не боюсь!.. Смогу!.. Справлюсь...

Много дел у цеха АТС. Есть надежда, что Шмидт Александр Семёнович, действительно, сам поработавший и кабельщиком и монтажником, уверенно впишется во взаимоотношения с линейно-кабельным цехом, усовершенствует взаимодействие подчинённого ему кросса с бригадами линейщиков, найдёт общий язык с Висящевым.

И всё-таки, самой главной тактической задачей поставленной перед этим цехом остаётся, поставленная ещё в прошлом году, задача – нарастить смонтированную ёмкость АТС-4.

Но и этого мало, для выполнения плана по установкам телефонов на первый квартал. Для этого, даже при появлении на АТС-4 свободной ёмкости, не хватит линий.

Поступившего оборудования по объектам развития достаточно и надо срочно форсировать монтаж стоек для включения спаренных телефонов на АТС-7 в Юбилейном микрорайоне. Очень уж там большой спрос на установку телефонов и возможности по спариванию телефонов, установленных у абонентов в многоэтажных домах, велики.

Ход выполнения этой работы и будет пробным камнем для вновь испечённого начальника цеха АТС – Шмидта Александра Семёновича.

Глава 7. Избирательная чёрствость экономиста

Случился казус. Фенин Андрей Алексеевич досадливо морщится и чертыхается на своих помощников. Оказывается, городскому предприятию дали неправильное название. Помню, при образовании Телеграфно-телефонной станции среди связистов тоже шли споры, – как же правильно?..

– Телефонно-телеграфная, – ведь количество телефонов на предприятии значительно превышает число телеграфных установок, или, всё-таки – Телеграфно-телефонная?

Сошлись – на последнем. Ведь, начало развитию электрической связи положил телеграф. Значит, этому слову, по праву и принадлежит первое место.

– Городская телефонная станция... – Нет, неправильно! Всё-таки, проводная линия начала использоваться гораздо раньше коммутатора. Да и основу городской связи составляют линии, – воздушные и кабельные, а ещё – всё более разветвляющаяся, телефонная канализация. Всё это, в целом – телефонная сеть. Значит и предприятие должно называться – Городская телефонная сеть.

Андрей Алексеевич сокрушённо вздыхает:

– Надо всё привести в соответствие. Придётся вашему кадровику вписать изменение по названию предприятия в трудовые книжки работников. Будет дополнительная за-

пись.

– Ну что же, раз надо Андрей Алексеевич, – сделаем...

Несмотря на явственно ощущаемые, лежавшие на поверхности, видимые невооружённым взглядом, серьёзные успехи, достигнутые линейно-кабельным цехом, взаимоотношения Висящева с экономическим отделом, по-прежнему, напряжены. Не обходится без трений. Вот и сейчас, он возмущается бездушным отношением экономиста Мурносовой к работникам цеха.

– Ну как же так, Виктор Васильевич, – всем выплатили тринадцатую зарплату, а вот, кабельщику Муметжанову она не положена. А ведь он добросовестно, полный год, у нас отработал. Работал старательно и с желанием. Мурносова категорически против выплаты ему годового вознаграждения.

Я понимаю, что формально Курносова права – работающий у нас Муметжанов по особому договору с исправительным учреждением, где он отбывает наказание – конечно же, не входит в списочный состав коллектива. Личный вклад кабельщика Муметжанова весом в достигнутом успехе – это неоспоримо. Я тоже, на месте Висящева, не смог бы внятно объяснить – почему ему, за равный с нынешними товарищами труд, лишь на том основании, что он находится в чрезвычайных жизненных обстоятельствах – положено платить более низкую зарплату?

Ему и так, выплачиваются крохи – ибо, большая часть его заработка отчуждается исправительным учреждением. Большой срок отбывания наказания у Муметжанова. Как минимум, год он ещё может работать на телефонной сети и, безусловно, будет ей полезен. И очень немаловажно, чтобы и так наказанный судьбой, работал он в нашем коллективе с ощущением полноправного человека.

– Александр Дмитриевич, принесите мне представление, я подпишу.

Моя, положительная резолюция на документе – не является для Мурносовой достаточным основанием для исполнения. Она сбивчиво, ссылаясь на Коллективный договор, пытается доказать мне неправомочность принятого решения. И это, в отношении оценки труда достойно работающего человека с дефицитной и так нужной предприятию, профессией!.. Но она уже научилась чувствовать рамки, за пределы которых во взаимоотношениях со мной, переступать не следует. Случай с Муметжановым – не тот случай, из-за которого нужно идти на рожон.

– Хорошо, Виктор Васильевич, – под вашу ответственность... – многозначительно срываются с её губ слова с характерной хрипотцой.

Голос мой наливается металлом:

– Любая мелочь, происшедшая на предприятии – это моя ответственность. Сделайте так, чтобы законность при исполнении моего распоряжения нарушена не была.

Вечером этого же дня я с удовлетворением подписываю подготовленный приказ о выплате годового вознаграждения Муметжанову.

Вообще-то, с экономической точки зрения, положение предприятия после реорганизации оказывается довольно крепким. И экономист Мурносова, и главный бухгалтер Пильникова уже прошли школу реорганизации при разделении Городского узла связи на Почтамт и Телеграфно-телефонную станцию в 1976 году. Тогда, по многим экономическим позициям, в выигрыше оказался Почтамт с опытным Селиным С. И. оставшимся им руководить. Сейчас же, перед Управлением связи, они очень чётко обосновали, и смогли отстоять жизненно важные для нового старого предприятия параметры и фонды.

Заложенный базовый фонд оплаты труда позволяет, уже в начале года, ключевым работникам Городской телефонной сети назначить различные доплаты к установленным должностным окладам.

Такие доплаты получают 37 специалистов. Это, все – рядовые работники и инженеры. Многие из них получали доплаты и ранее – за расширенную зону, за высокое профессиональное мастерство, за совмещение профессий.

Но вот, чтобы установить доплату к окладу начальнику цеха – такого на Телеграфно-телефонной станции не было с начала её основания. А ведь, именно эта прослойка спе-

циалистов – руководителей, на своих плечах, в условиях, постоянных, высоких психико-эмоциональных нервных перегрузок, организует физическое исполнение возложенных на предприятие задач.

Но, почему-то, уровень растраты душевных сил, как правило, присутствующий у руководителя фактор стресса, при постоянном общении с людьми, находившимися в подчинении, и особенно, с людьми, потребляющими услуги предприятия – не принято оценивать адекватно в денежном выражении. Наверное, поэтому – вряд ли, в ближайшее время, на руководящие должности цехового звена на предприятиях связи, да и не только на них, возникнет хотя бы маломальский конкурс.

Сначала, я над этим особенно не задумывался. Но с некоторых пор, мне совестно, что по-прежнему, уже без всяких сомнений, мой самый преданный делу и самый лучший начальник цеха – Висящев Александр Дмитриевич, в материальном плане, оценивается хуже других моих начальников, на деле, являясь для меня самым ценным помощником и человеком, безусловно, самым надёжным, из окружающих меня людей.

Он, умный человек и конечно понимает разницу в весе своего груза и груза, к примеру, начальника цеха радиоузла. Но он ещё, ни разу не заикнулся передо мной о размере своей заработной платы. Скромный самодостаточный человек, возится с самой большой своей приобретённой цен-

ностью – жёлтым Запорожцем, постоянно его ремонтирует. А ведь у него – трое взрослеющих дочерей...

Заморочки условий премирования до сих пор не позволяли мне выделить его по уровню заработной платы, но сейчас, когда возглавляемый им цех, наконец, вышел на НУЛЕВОЙ уровень повреждений, я просто не могу не внести коррективы в систему оплаты труда Висящева. И как хорошо, что я это могу сделать до того, как он меня об этом попросит, хотя, вероятность такого шага со стороны Александра Дмитриевича – бесконечно мала.

Обсуждая этот вопрос с Макарычевым, встречаю его полное одобрение.

Подключаем к обсуждению Мурносову. Это совсем необычно для неё, но едва вникнув в суть вопроса, она тут же, соглашается с моим предложением.

– Мы ему сделаем надбавку к окладу. Сколько скажете, столько и дадим – с готовностью произносит она.

Теперь уже, и даже для Мурносовой, очевидно, что Висящев, бесспорно, внёс наиболее весомый вклад, в ходе решения задачи по выводу предприятия из затяжного кризиса. Вот только, почему она, как экономист, ходатайствуя передо мной о повышении заработной платы многим, часто, даже, абсолютно незаметным работникам – ни разу не упомянула о необходимости справедливо оценить труд самого ключевого начальника цеха...

– Ну вот, и решили! Надбавку устанавливаем на весь год,

в размере – 25 рублей к окладу. Это для него будет ощутимой прибавкой. Александр Николаевич, – сообщите Висящеву это известие. Мне самому сказать об этом ему как-то неудобно...

Валентина Васильевна и тут остаётся самой собой:

– А может, стоит и другим начальникам цехов установить надбавки?..

– Нет, – отрезаю я.

Глава 8. Кому, на самом деле, наказание?

Планы и намерения на ближайшее будущее рушатся в один миг. Прямо на работу мне доставляют повестку из военкомата – в ней указана необходимость срочной явки. Я досадливо морщусь. Опять военком Порошкевич, потрясая полномочиями военного ведомства, будет выбивать новые установки телефонов, для нужд военкомата, на голом месте.

На деле, всё гораздо серьёзнее. Называется статья Закона, в соответствии с которой я обязан пройти двухмесячные армейские сборы переподготовки для офицеров запаса. Тут же, вручается направление для прохождения медицинской комиссии – и... время пошло. Чётко работает военкомат.

Бессмысленно гадать – толи это мелкая месть облвоенкома Порошкевича неуступчивому руководителю – связисту, толи, действительно – плановая подготовка офицерского состава. Суть дела не меняется. Призвать меня на военную службу у государства есть все основания.

Глупо отказываться. За время нахождения в мобилизационном списке офицеров запаса первой категории – вероятность призыва всё время будет нависать дамокловым мечом. Так лучше, уж раз требуется, – отслужить и потом, быть спокойным, по крайней мере – в мирное время. Тем более, что и призыв-то данный – не на полную службу, а на рядовую

переподготовку.

Вот только, время выбрано крайне неудобное. И эта реорганизация на работе, и положение моей семьи, и собственное самочувствие...

Я твёрдо решаю для себя – уклоняться не буду.

Докладываюсь о видах на себя – военных, первому секретарю горкома Дымченко и Генеральному директору ОПС (теперь это не ПО ОПТУС, а ОПС – Областное предприятие связи) Фенину Андрею Алексеевичу. Не вижу с их стороны озабоченности. Это и понятно, они реально ощущают – связь в городе стабильна как никогда. Да и главный инженер показал, что справляется с делами во время моих отпусков – а два месяца – не такой уж великий срок, и за два месяца – он справится.

Но вот как я о своём решении скажу жене... После декретного отпуска она уже в полную силу работает на Автоматической междугородной станции (АМТС) и вот, на целых два месяца, я оставляю её одну, с двумя малолетними детьми.

Олечке – три с половиной года, Лене – нет и трёх. Благо – рядом находится детский садик, метрах в трёхстах от дома. Благо – дети не болеют и с удовольствием в этот сад идут. Но как, их двоих, тащить туда – как их, забирать вечером? Ведь на улице – зима. Детей надо хорошо и тепло одевать – что тоже, не просто... Необходимо забежать в магазин, отстоять в очередях, запастись продуктами... Как всё это сделать одной?..

Сейчас, наши дети – поделены, я, большей частью на руках, уношу Лену в садик, вечером же, медленно топая кривыми ножками, пухленьким медвежонком, путь домой она, уже часто совершает сама, хотя надо обладать терпением и волей, чтобы побудить её к этому. С Ольгой – несколько проще, хотя и она тоже, может проявить капризы.

Рома воспринимает необходимость моего отъезда стойко. Но я вижу в глазах её растерянность и даже, беспомощность. Она, тоже не может взять в толк – как ей, одной, управляться с двумя маленькими дочурками. После длительного отпуска по уходу за детьми ей даже в голову не приходит мысль – взять отпуск без содержания. Она просто не может себе этого позволить, ибо у неё тоже, масса накопившихся на работе проблем – смотрит на меня потерянными глазами, дрожат у неё губы, – но она не позволяет себе плакать.

Ей, действительно, никто не поможет, ни всё ещё работавшая на своём элеваторе мать, ни перегруженная собственными проблемами – сестра. Но она видит мою решимость и смиряется со сложившимся положением. Ей, после перенесённых операций, с очень сильно севшим зрением, категорически нельзя носить тяжести.

Рома не может представить – как будет управляться с Леной. Всё ещё, смутно представляя всю тяжесть, вдруг, свалившегося на неё груза, – Рома, собрав всю свою волю в кулак, успокаивает саму себя – ладно, как-нибудь справлюсь...

До меня, наконец, доходит, – что со мной сделается в этой

командировке? Это не меня, это мою жену военкомат наказал, – и наказал сурово! За что?..

Рома даже не напоминает о том, что я могу представить в военкомат документ о наличии двух малолетних детей, который, наверняка, может отменить мой «призыв». Она тонко чувствует, что не в моем характере – делать подобные шаги, и не осуждает меня за это.

– Не беспокойся... – справлюсь, пытается она бодриться...

Рома переключает внимание на моё состояние. Она видит, что сам я болен. Вот уже две, недели непрерывно кашляю. От частых изматывающих спазмов горит горло, верхняя часть груди. Нет времени пойти в больницу, да и не любитель я – созерцать белые халаты.

Лечит меня жена подручными средствами – горчичниками, травками, да горячим, чаем с малиной. Правда, в последние дни кашель идёт на убыль. Во время прохождения медкомиссии, рассматривая снимок после рентгена, врач всё же констатирует что – «лёгкие в норме», но сокрушённо качает головой

– Вам надо лечиться – у вас же бронхит...

– Уже проходит – легкомысленно роняю я, – мне надо в армию.

Не пытаюсь даже себя разубеждать – внутри меня, действительно, находится сила, неудержимо влекущая в армей-

скую жизнь. В этой силе, и несбывшиеся детские и юношеские мечты об армии, в этой силе и необходимость оторваться от сумбурности неожиданной реорганизации, и хоть в неординарной обстановке, но осмыслить внутреннюю неудовлетворённость недавним назначением. В этой силе – настоятельная потребность самому почувствовать, наконец – что же такое – армия?

Я чётко понимаю жестокость своего решения по отношению к жене, но не могу ничего с собой поделать...

Даны последние наставления Макарычеву, Висящеву. Самое главное, что от них сейчас требуется – подготовиться к паводку, который обещает быть обильным. Как никогда – хорошая основа заложена, буквально завоёвана для этого. 25 февраля – на сети всего лишь, одно кабельное повреждение.

Много снега на улице. В обеденное время на нём, ярко освещённом солнцем, уже начинающим наливаться весенним жаром – в образовавшейся поверху корочке, зримо начинают поблёскивать капельки возрождавшейся воды. Пройдёт полмесяца, и опять, на ГТС начнётся битва с коварной, проникающей всюду, влагой. На этот раз, эта битва пройдёт без моего участия. И мне очень тревожно за её исход.

Билет в кармане. На груди, под тёплым свитером, прикле-

ены два согревающих перцовых пластыря. Всё ещё кашляющий, с всё ещё взмокающим от пота – лбом, я пристёгиваю себя ремнём к креслу, готовившегося взлететь, самолёта.

Часть вторая. ПАРТИЗАН

Глава 9. Посторонние мысли обо всём

29 февраля мне надо быть в части. Часть расквартирована в городе Семипалатинске. Военкоматом строго предписано – опоздание недопустимо. Расклад времени для меня удачен. Рано утром, 28 февраля, в воскресенье, ЯК-40 отправляется прямым маршрутом на Семипалатинск, и часикам к двенадцати я уже буду на месте.

Близость соприкосновения с армией заставляет задуматься, а что же собственно о нынешнем положении армии я, как рядовой обыватель, знаю? В обществе, по отношению к армии, происходит переоценка. Это чувствуется. Как-то незаметно прошли времена, когда почти каждый взрослеющий юноша готовился к испытанию армией, и понимал это как доблесть. А сейчас, всё чаще и чаще, поговаривают о дедовщине. Рвение, отслужить в армии, тает у молодёжи на глазах.

Подливает масло в огонь явно затянувшаяся война в Афганистане. Очень скупо пресса освещает процессы, происходившие в этой дикой стране. Но всем известно, что нашим солдатам там явно, не сладко. Нарастает понимание, какой-то безысходности от продолжающейся без видимого конца, борьбы с всё более ожесточающимися и наращиваю-

щими сопротивление, афганскими племенами. Высокопарные слова об интернациональном долге уже никем не воспринимаются серьёзно.

Тем, кто хоть немного интересуется политикой – понятно, что идёт борьба за влияние на территориях, расположенных непосредственно, вблизи от наших границ. И в случае ухода наших войск – влияние в Афганистане будет американское.

Самим афганцам от этого будет ни тепло, ни холодно. А нашу армию, ограниченный контингент, они бьют за то, что мы, своё влияние, распространяли на эту страну очень уж неуклюже – топорными методами.

Слишком очевидно, что Афганистан, не без заинтересованной помощи извне, превратился в наш, советский «Вьетнам» и всё происходящее там, в отношении нас, точь в точь, идёт по сценарию, разыгранному в конце шестидесятых годов вьетнамцами, по отношению к американской армии. Явно, американцы берут реванш за свою, проигранную, вьетнамскую войну.

Все масштабнее и масштабнее провозглашаются задачи Перестройки. Замышлявшаяся, как перестройка остро нуждающейся в реформировании экономической системы страны, она явно расширяет свои аппетиты, ей уже тесно в рамках решения, только экономических проблем.

Нарождается сестра Перестройки – Гласность. Она врывается в общество и прожорливо перемалывает и выдаёт народу всё новые и новые сведения о темных сторонах жизни

страны. Это всё безумно интересно – но, ведь одним обсуждением наших промахов дело не ограничится. Непременнo, в качестве реакции на «обнародованные негативы» последует реакция, в том числе и от рядовых граждан. Какая это будет реакция...

Почему-то, вспоминаются декабрьские события 1986 года, когда с помощью взбудораженной толпы на площади в Алма-Ате, заинтересованные лица попытались решать сложнейшие вопросы управления Республикой, средствами, краеугольным камнем которых, явилась национальность вновь назначенного руководителя.

Перед глазами стоят, вдруг, изменившиеся лица моих товарищей по работе – казахов по национальности – Нурканова Кайрата, Айсина Жени, старейшей работницы Кокмановой Бану Кокмановны. Они, как-то вдруг, сжались тогда. На лицах – при встрече, выражение настороженности, хотя, лично, никакого отношения к событиям того декабря, они не имели.

Но ведь это представители казахского народа открыто проявили националистические настроения – в том числе и в Синегорске, и связистам – казахам стыдно за это. Мне их состояние было близко и понятно – и я, внутренне, сопереживал им. Мне, немцу по национальности – подобное, тоже, приходилось переживать...

Буквально в последнее время, появляются скупые сведения о нарождающихся претензиях друг к другу азербайджан-

цев и армян. Камнем преткновения всплывает какая-то Нагорно-Карабахская автономная область. Кто из рядовых советских людей знал о существующих проблемах в национальных взаимоотношениях в этой области ранее?..

Смутной тревогой тянет от событий, происходивших в стране, в последнее время...

Самолёт по расписанию приземляется в аэропорту Семипалатинска. Адреса, где располагается нужная мне военная часть, я не знаю. Поэтому, разыскиваю областной военкомат, думаю – там мне подскажут необходимый маршрут.

Воскресный день. Полдень. Дежурный военкомата – рассмотрев предписание, отмахивается:

– Нас это не касается, вам надо прибыть непосредственно в воинскую часть.

– Ну, вы хотя бы подскажите, где эту часть искать, ведь в предписании ясно же указано, что она располагается в Семипалатинске.

Дежурный минут пятнадцать выясняет по телефону местоположение части и наконец, сообщает, что она находится километрах в десяти от окраины города, и на вопрос – как туда добраться – говорит, что рейсовый транспорт туда не ходит.

– Наймите такси – советует он.

Ну что ж, такси так такси – не болтаться же ночь в незна-

комом городе.

По улицам гуляет, и всё сильнее разыгрывается позёмка и после почти часового поиска – удаётся, наконец, найти водителя, знающего, где располагается злополучная часть и с трудом, за плату в оба конца, согласившегося меня туда отвезти.

Пустынная загородная дорога, вызывая тревогу, обрастает перемётами – но такси резво пробивается вперёд. Часиков в шестнадцать водитель высаживает меня у ворот КПП какой-то части, разворачивается и уезжает. У меня ощущение, – что в поле располагается военная часть, прямо – в поле.

Глава 10. Перевоплощение в офицера

На КПП явно не ждут гостей. Похоже, я явился на сборы первым. Старший наряда – сержант, долго изучает предписание и, наконец, изрекает:

– И что же вы хотите, – вам же, указано явиться 29 февраля, то есть завтра, – вот, завтра и приезжайте.

Позёмка разыгрывается всё сильнее. Сразу за КПП завывает настоящий буран. В предписании указано, что в часть явился старший лейтенант – офицер.

Дежурный понимает, что его формальный ответ не может быть принят. Откуда-то из глубины территории вызывает на помощь старшего лейтенанта и вместе, они пытаются решить, что же делать со мной.

В дежурке тепло. Пышет жаром раскалённая печь и мне совсем не хочется из неё уходить. Неопределённость в отношении меня затягивается, и в душе, я кляню себя за проявленную пунктуальность, и неумение опаздывать.

Часа два длится неопределённость, наконец, военные выясняют, что сборы офицеров запаса с завтрашнего дня, действительно, начинаются. На улице уже темнеет, и старший лейтенант сопровождает меня к имевшемуся на территории части, офицерскому общежитию – смутно видневшемуся вдали.

Пустая неухоженная комната, четыре кровати с панцир-

ными сетками, матрацы, грубые одеяла, обшарпанный столик. Солдат приносит комплект постельных принадлежностей.

– Располагайтесь. Определяться будете завтра, – старший лейтенант оставляет на столе ключ от комнаты и уходит.

Ну что же, и на том спасибо, мне бы ночь подержаться... Действительно, – продержаться! Температура в комнате – не более десяти градусов. Тусклый свет одинокой лампочки на потолке – сгоряча после жаркой каптёрки раздевшись, я вынужден снова натянуть на себя пальто. Опять разыгравшийся было кашель, – стихает.

Делать нечего, голодный, расправляю постель – остаётся только спать. Одеяла недостаточно чтобы согреться, нахлобучиваю поверх его своё пальто, укрываюсь с головой – постепенно, ощущение озноба проходит. Жить можно. Да-а, хорошо встречает меня армия... а вообще, кому до меня есть дело в воскресенье?.. Ладно, утро вечера мудренее, – я проваливаюсь в сон.

Рано утром, ещё не рассвело – меня вырывает из постели стук в дверь – прибыл ещё один «рекрут». Он из Павлодара и тоже, очень боялся опоздать, и тоже, такими же методами, как и я – с трудом нашёл часть, и с трудом уговорил таксиста – доставить себя к ней.

Мне становится легче. Слава Богу, не одному придётся «мыкать горе».

Окончательно всё проясняется утром. В комнату входит

моложавый подполковник представляется как руководитель сборов, сообщает, что на них должны прибыть двадцать пять запасников.

– Жить будем здесь в общежитии, заниматься будем – в основном, тоже в общежитии. Программу я сообщу позже. Сегодня, – день заезда и обустройства, – решает он. А пока, вам надо стать на довольствие.

Да, действительно, перекусить бы сейчас – в самый раз. Хотя бы, чайку горячего хлебнуть...

Наконец в штабе, который располагается рядом с общежитием, в приспособленном щитовом домике, регистрируют наше прибытие.

Подполковник разыскивает старшину, распоряжается выдать нам обмундирование, показывает, где располагается солдатская столовая – сообщает о режиме её работы.

– Там для вас будет накрыт отдельный столик, – сообщает он.

Подполковнику некогда, у него масса своих дел. Он оставляет нас на попечение старшины и уходит.

Огромный склад в основательно оборудованном полуподвальном укрытии – чего там только нет! Мы подбираем под свой размер обмундирование.

Нательное белье, гимнастёрка, штаны – галифе. Сапоги, портянки, шинель... – всё солдатское, погоны – офицерские.

Мой новый товарищ, – Володя, он из Павлодара и совсем не связист, а строитель – сообщает – таких как мы призыв-

ников называют в народе – « партизаны».

Понимая, что в месте нашего нового проживания вряд ли будет теплее, буквально, вырываем у старшины – дополнительно, по комплекту тяжёлых, из верблюжьей шерсти – одеял.

Столовая – закрыта, теперь она откроется только в обед, и у нас есть время, заняться подгонкой обмундирования и переодеванием.

Слава Богу, у меня богатая, из детства, практика наматывания портянок и совсем не пугает жёсткость кирзовых сапог. Я хорошо знаю, как обходиться с ними, да и белый подворотничок на гимнастёрку подшить, – не проблема. Володя, тоже, не отстаёт, в отличие от меня он, когда-то, служил в армии – солдатом.

Проходит не более часа и вот, оба мы облачены в одежду цвета хаки. На погонах – по три звёздочки, в петлицах – кому что нравится. По слухам – мы находимся на территории танкового полка, поэтому у меня – танк. Солдатский ремень – по талии. Непривычно себя ощущать в военной форме, но сразу чувствуется – она удобна. Гражданскую одежду нам приказано сдать на хранение в склад, что мы и делаем.

Время до обеда пролетело незаметно. В очень просторной столовой деревянные столы, каждый – человек на десять, – облеплены солдатами. Дневальный проводит нас к нашему столу. Здесь уже стоит посуда и во главе стола – огромная кастрюля с рассольником – на целое отделение.

На второе – макароны по-флотски. Нас всего двое – а еды – ешь, не хочу. Даже без учёта того, что мы проголодались, обед хоть и прост, но вкусен. Жить можно.

После обеда, опять появляется подполковник – придиричиво оценивает наш, изменившийся внешний вид и остаётся доволен. Сообщает, что прибыло ещё шесть человек – тоже сейчас, обустройстваются.

– Ну что же, – занятия начнём завтра, – на сегодня, можете быть свободны. И чуть помедлив, добавляет:

– Территорию части – не покидать. Водку не пить!

– А что, отсюда можно как-то выбраться? – искренне удивляемся мы.

– Конечно, – утром и вечером в город уходит и возвращается армейский автобус...

– Товарищ подполковник, а в общежитии всегда так будет холодно?

Офицер щупает руками стылую батарею:

– В части напряжёнка с топливом, но у нас своя кочегарка. Семейные офицеры, проживающие в общежитии, на холод не жалуются.

– А кто работает в кочегарке?

– Солдаты...

– Явно, дрыхнут солдаты, особенно по ночам, – умудрённый опытом собственной службы, констатирует Володя.

Подполковник, похоже, совестливый. Ему явно неудобно от нашего замечания, но вопрос отопления общежития

не входит в его компетенцию. Он обескуражено разводит руками – так и живём... Сославшись на дела, – уходит.

Одеяла, которые нам выдали со склада, наверное, лежали там без движения лет десять. Они буквально пропитаны многолетней пылью. Пока мы их тащили, сложенными в стопку, со склада в комнату – это не замечалось. Но стоило их только развернуть – вокруг, сразу же, образовалось пыльное пространство. Их невозможно даже, нормально трясти на улице, – хлопок и возникает тучное облако пыли, от которой некуда деться. Ветра нет, невозможно дышать. Разок встряхнув, бросаем одеяло, отскочив в сторону. Поднимаем – опять хлопок – и опять, одеяло на пол. Постепенно пыли становится меньше, но выбить её до конца – похоже, бесполезная затея.

Так, с перерывами – боролись мы за чистоту минут сорок. Руки – как у кочегаров, на лицах – пыльные маски. От белого снега на полянке не осталось и следа – так, грязно-серая местность. Но, согрелись – неимоверно.

Больше до вечера – делать нечего. Постепенно знакомимся. Володя – моего возраста. В армии служил радистом. Сейчас – работает прорабом на стройке. По окончании строительного ВУЗ-а – получил офицерское звание. По роду войск – к связи, так приписан и остался. Познания по связи – у него практически, нулевые.

На ужин в столовую, собираемся заблаговременно. Хочется просто пройтись, размяться на воздухе, просто при-

выкнуть к форме, к шинели. На голове – солдатская шапка с офицерской кокардой. Жёсткий воротник шинели – трёт шею... Подпоясанный ремнём, обтянутый длинной приталенной шинелью с непривычки, чувствуешь себя как в броню закованный – но, тепло.

Столовая набита солдатами. Их не видно на гарнизонных площадках. Они появляются неизвестно откуда и неизвестно куда исчезают. Заметив звёздочки на наших погонах, уступают нам дорогу у входа, – опасливо сторонятся. Ужин уже находится на нашем столе – и по-прежнему, нас за ним – двое.

Утром следующего дня, собираемся в классе – нас уже четырнадцать человек. Подполковник высказывает предположение, что остальные одиннадцать человек вряд ли придут. Обещает представить рапорт высшему начальству о неудовлетворительной работе военкоматов по укомплектованию сборов. Звать подполковника – Валерий Егорович. Большинство прибывших на сборы – из Караганды и Темиртау, по профессии толи металлурги, толи шахтёры, – все, офицеры запаса. Находится, даже, среди нас один – капитан. Он, как старший по званию, и назначается командиром взвода – несмотря даже на то, что по виду – он, явно с бодуна.

Выясняется окончательно, что среди всех, по профессии и образованию, я – единственный связист. Подполковник смотрит на меня с явным удивлением – и как это я сюда попал...

Валерий Егорович в единственном лице будет и нашим

командиром и нашим преподавателем. Целый месяц в данном импровизированном классе мы будем заниматься теорией, изучать матчасть, а затем, будем участвовать в учениях. Становится понятным, что кроме него, мы в части, в принципе, никому не нужны.

Он подготовился к первому занятию. Под запись рассказывает о принципах организации связи в роте, батальоне. Это всё – радиосвязь. Называет типы радиостанций. Перечисляет нам тактико-технические данные оборудования. Я не знаю, насколько это интересно моим новым товарищам, но меня бросает в неудержимый сон. Скулы разрываются от зевоты. Сколько раз я слышал всё это. Спасает лишь то, что приходится записывать информацию в тетрадь.

Обыкновенная лекция, но только очень низкого качества. Как и положено, она прерывается перерывами и наконец, завершается временем на обед. После обеда мы должны собраться в своём классе на самоподготовку, повторять записанное...

– Мужики, напутствует нас Валерий Егорович, – вы же взрослые люди и всё понимаете. Поэтому главное, – ведите себя тихо...

...И потянулись будни. Боже, – какая тягомотина, какая скука...

Глава 11. Как – без самоволки?

Единственное место, которое как-то отвлекает, это столовая. Еда не отличается разнообразием, экзотика проходит и всё быстро приедается. И суп жидок, и каша часто недосолена. Никогда в жизни не мог себе представить, что самым вкусным продуктом из солдатского рациона является сливочное масло. Его положено – двадцать грамм. Как и хлеб – на свой стол его надо получить, из хлеборезки. Строго дозированные круглые ломтики. Просто с хлебом – как это вкусно... – тают во рту. Нам достаётся по два кусочка – за счёт доли наших, не прибывших. Солдатам в хлеборезке нет дела – все ли мы за столом.

Конец первой недели. Режим дня понятен – завтрак, занятия, обед. Самоподготовка – свободное время, ужин, сон. На субботу, воскресенье, мы тоже предоставлены самим себе. Заняться абсолютно нечем, в холодной комнате хорошо только под двумя одеялами, и оказывается, сон тоже, очень сильно надоедает.

Нет газет, нет книг, нет телевизора. Субботний день тянется невыносимо медленно – это просто пытка временем. Единственная польза – остатки простуды, кашель, покидают меня окончательно. С наслаждением отдираю выполнивший свою миссию перцовый пластырь с груди – наконец-то кожа перестанет зудеть.

Мы уже знаем – путь в часть через КПП не единственный. Часть не ограждена сплошным забором. За котельной есть тропинка, ведущая в город. И она – довольно нахоженная. Кто знает – сколько солдат бегают по ней в самоволку. Ребята – карагандинцы, тропу шустро разнюхали и освоили. В субботу – во второй половине дня, их земляк – капитан, уже лыка не вяжет. Видно ему не надо много. Они начали «ужинать» в своей комнате загодя. И в столовой, вечером, вся их комната уже не появляется.

Ну что ж, завтра, если погода не испортится – пойду в город и я, не письма же домой писать, – попробую дозвониться...

Погода в самый раз. Настоящий воскресный день, – лёгкий морозец, ясное солнышко и просматривающаяся насквозь, заснеженная степь. Легко шагается по протоптанной дорожке – километра четыре. Кроме самой дорожки, ориентиров нет никаких, – по мере удаления от части, всё осязаемей и осязаемей чувствуется тревога.

Страшно в степи одному. Затем, как-то внезапно, из дымки, сначала смутно, потом всё отчётливей, всё ещё очень далеко, начинают появляться контуры какого-то высотного здания – похоже, элеватора. Чувство тревоги, пока был со степью и горизонтом – один на один, начинает улетучиваться – теперь не заблужусь.

Контуров становится больше. Дорожка выводит на железнодорожный узел. Впереди, разрастается мощная разгру-

зочная территория – взгляд сначала зацепляется за вершины высотных кранов, постепенно опускается по ним и, наконец, краны растворяются в серости территории, в огромных угольных завалах, за которыми уже явственно выступает город. Около полутора часов длился путь. Наконец, долгожданная остановка автобуса. Через неё все маршруты ведут в центр.

Главпочтамт. Переговорный пункт. Много желающих позвонить. Несколько кабин оборудовано автоматическими междугородными телефонами. И доступ к ним свободен. Чтобы обеспечить непрерывность набранного по коду и происшедшего соединения – автомат нужно периодически кормить пятнадцатикопеечными монетами. Тут же разменный пункт. Наменял я их – в горсть не помещаются. Ну, минут на пять разговора – точно, хватит.

На другой стороне провода радостный голос жены, бодрый, звонкий...

– Ну, как ты там справляешься, милая?

– Да что со мной сделается, – приспособилась, – выходим из дому пораньше, Лена с удовольствием топает ножками сама, правда медленно, не торопясь... на работу успеваю... с Олей – проблем нет.

Я не улавливаю в интонациях Ромы ни единой нотки, даже косвенно указывающей, что ей трудно. Она держится молодцом и тут же, перебивает меня своими встречными вопросами

– Да что мы, – мы дома! Как у тебя дела, как устроился?

– Да, нормально устроился, служу...

Проклятый попался аппарат. Он щелкает как часы, издаёт предупреждающие звуки и всё норовит прервать связь. Ли-хорадочно заталкиваю в его жерло монеты – их количество в руке стремительно уменьшается.

Или время летит так быстро, или просто автомат регулирован, в погоне за сохранение соединения я теряю кан-ву разговора, он какой-то прерывистый, с паузами недопо-нимания.

Чем так говорить – лучше, совсем не говорить. Услышали голос друг друга – и ладно.

– Все, у меня кончаются монеты. Ещё позвоню... целую... люблю...

Долетающие с другого конца провода слова прощания прерываются пустотой. Не успев даже «пережевать» послед-нюю монету, автомат отключается.

Ощущение полного сумбура в душе перемешано с при-ятной теплотой. Не важно, что именно, говорила моя жена, важно, что я услышал её голос – голос, насыщенный любо-вью...

Остывая от разговора, некоторое время брожу по городу – не нравится мне город, какой-то широкий, разбросанный, неухоженный, насквозь продуваемый непонятными сквоз-няками. И солнышко светит и небо, ясное, и ветра нет – а ду-ше не уютно. Чужой город...

В ближайшем киоске скупаю газеты – и за вчерашний день, и за позавчерашний. Журналы все местные – республиканские.

Покупаю журнал «Простор». Как правило, в нем нет ничего интересного, но в моем положении – на безрыбье и рак – рыба.

Всё. Можно возвращаться назад. Обратный путь не близок. Не дай Бог, начнётся позёмка – тогда будет худо.

Спиной чувствую удаляющийся город, но связь с ним всё слабеет и слабеет. И вот, уже вокруг – пустой, голый горизонт и только тропинка, растворяющаяся в блеске солнца среди снежной глади. Позёмка усиливается.

В голову лезут дурные воспоминания из детства. У нас, тоже, за селом – километрах в семи, в горах Каратау стояла ракетная часть. Как правило, зимой военная часть не досчитывалась нескольких солдат. Уходили они в самоволку и не возвращались. Потом, находили их замёрзшими, хоронили всем селом. С оркестром, с почётным караулом, с прощальными залпами из карабинов...

Как медленно тянется время...

...Кочегарка военной части возникает внезапно, вместе с ограждением. Тело охвачено приятной усталостью. Теперь – после двадцатикилометрового броска, не грех – и поспать.

Глава 12. И здесь, надо воспитывать

Против обыкновения – газетный материал прочитываю, не торопясь, не просто просматриваю, а именно, прочитываю – не пропуская ни одной строки, ни одного абзаца. Впереди, до следующего броска в город, целая неделя и надо растянуть удовольствие.

В духе времени распространяют по стране авторы статей жар Перестройки.

И как бы совсем не к месту, скромненько, не выпячиваясь, проскальзывает вдруг, информация о событиях в Азербайджане. Она воспринимается с недоумением. В целом, время хорошее, – чего людям не хватает?

В Нагорно-Карабахской области, в городе Агдам в ходе криминальных разборок хулиганствующими элементами убиты два человека, по национальности – оба азербайджанцы.

В ответ на эти события – националистически настроенными элементами, в городе Сумгаите, организована дикая, шокирующая резня, в ходе которой массово избивались проживающие в городе армяне, подвергались ограблению их дома. В результате столкновений – погибло более двадцати армян...

Ситуация в Азербайджане, накалённая событиями вокруг НКАО, развивается по восходящей, и имеет всё более нега-

тивные последствия.

Её, почему-то, не удаётся притушить быстро и сравнительно безболезненно, как в своё время, притушили события в Алма-Ате. А ведь и здесь, явно проскальзывает национальный подтекст.

Оказывается, уже давно по Армении прокатываются митинги. Официально действует какой-то комитет «Карабах». Именно он выдвигает требование, суть которого сводится к выводу из состава Азербайджана, и присоединению к Армении – Нагорно-Карабахской автономной области, с проживающим там преимущественно, армянским населением. Налицо – территориальный спор между советскими республиками.

А я-то считал, что помимо проблемы восстановления ликвидированной во время войны Немецкой Автономной республики, на территории Поволжья – у Советского Союза других проблем нет. Но немцы – ладно, – не коренная нация. А тут – коренные народы! Что они не поделили?.

Положение вокруг событий в Нагорном Карабахе становится предметом обсуждения на состоявшемся в феврале, Пленуме ЦК КПСС и не находит своего разрешения.

Вот и кровь пролилась... Горбачёв характеризует эти события как «удар ножом в спину Перестройки».

Неужели, у Перестройки есть враги...

Приятно удивляет журнал «Простор». В попавшемся мне номере напечатано начало романа казахстанского писателя

Ивана Щеголихина – «Должностные лица». Роман захватывает с первых страниц, написан очень остроумно, простым языком. Действие романа разворачивается вокруг событий, связанных с разворовыванием пушнины, незаконным производством и реализацией меховых изделий в одном из городов Казахстана. Дело поставлено на широкую ногу и имеет успех. Это всё так правдоподобно, что захватывает дух...

Неужели, именно такая жизнь течёт вокруг нас всех?

Как люди, описанные в этой жизни, контрастируют с образом советского человека, представляемого каждым из нас! И как эти люди впишутся в Перестройку – куда приведёт их Гласность? С нетерпением хочется дочитать роман до конца. Но его продолжение будет напечатано в следующем номере, – через месяц. Надо будет за журналом поохотиться.

С опозданием на неделю прибывает последний «мобилизованный». Он поселяется – «третьим», в нашей комнате. Жунусов Алихан, – лейтенант запаса, механик одной из автобаз города Джамбула. Мы с Володей уже приспособились к климату в комнате – а он, южанин, – мёрзнет невероятно – помимо двух одеял, набрасывает на себя и шинель. Опоздание обходится ему без последствий.

Как-то, в разговоре об офицерской жизни, наш подполковник упоминает, что практически все молодые офицеры части регулярно пишут рапорты с просьбой направить их

в Афганистан. Наверное, для большинства из них – это единственный способ вырвать себя, а впоследствии и свои семьи, из одуряющей рутины и неустроенности быта, испытываемой и нами, в полковом общежитии. Но мы-то временно, а они – годами. Да и год, говорят, там идёт за три, и платят там прилично. Вся природа патриотизма раскрывается просто...

Мы по-прежнему, занимаемся в быстро опостылевшем классе. Помимо тактико-технических данных – записываем назначение каждого тумблера, каждого регулятора на панелях радиостанций. Наверное, моим товарищам это бездумное, теоретическое запоминание нужно – они в душе, опасаются обещанного экзамена, но мне-то, это зачем? И экзамена я не боюсь.

Валерий Егорович относится ко мне очень уважительно. Я не выпячиваюсь, совсем не показываю вида, что мне всё это знакомо, дисциплинированно пишу всё, что он диктует, но чувствую, он, даже, как будто стесняется меня – хотя, когда-то, окончил военное училище связи. Сам Валерий Егорович, чувствуется, высокий профессионал в своём деле, практик – многие годы имевший дело с солдатами. Вот и нам передаёт (он просто не может по-другому) свои знания – как рядовым солдатам.

В один из перерывов задерживает меня: – Надо поговорить.

– Виктор, – он называет меня просто, по имени, – у вас

большой опыт руководства гражданскими людьми.

Вы не могли бы поговорить с капитаном Завальнюком о его поведении. Ведь он, уже и на занятия приходит полупьяным. Я, конечно, могу привлечь его к ответственности в соответствии с уставом, могу, наконец, сообщить о пьянстве на его работу. Но вы же все – гражданские люди, призваны сюда на короткий срок и совсем не для того, чтобы армия занималась вашим перевоспитанием. Нам достаточно наших солдат. Да и по возрасту, Завальнюк старше меня. Не хочу я ему неприятностей, да и себе самому из-за него – лишних проблем.

Деликатный и тактичный человек – этот подполковник, – с молодости служит в армии, а совсем, не солдафон. Мне понятна его озабоченность. Я обещаю поговорить. Мне лично, самому, претит пьянство, и мне просто неудобно, наверное, как и другим, сидеть в комнате на занятиях с полупьяным офицером. Нас – пятнадцать человек вокруг него – у всех офицерские погоны на плечах, но все мы делаем вид, что ничего не происходит.

Кто же кого больше портит, унижает и позорит – армия гражданского человека, или гражданский человек – армию? Общество всё хуже и хуже отзывается об армии. Но как воспринимает армия гражданских людей...

В этот же день, заглядываю в комнату капитана. В комнате – вместе с ним, трое его земляков. Но они-то в пьянстве не замечены! Живут лучше нас – уже только потому,

что у них теплее. Комната расположена с солнечной стороны. Наверное – от прямых лучей солнца. В комнате даже есть шахматы. Принадлежат капитану.

Похоже, не совсем пропащий человек – капитан. Мне играть с ним шахматы безнадежно – в первой же партии он разбивает меня в пух и прах. Проиграв партию, закончив нейтральную переброску словами с ребятами о житейском, – перед уходом, непосредственно обращаясь к Завальнюку, четко произношу:

– Капитан, – мне нет дела от чего тебя «ведёт». Но с сегодняшнего дня, ты прекратишь превращаться в свинью. Понятно о чем я говорю?

Завальнюка передёргивает от неожиданности услышанного. Он съёживается как от удара, и ... – молчит.

– Так понятно, или нет?

– Понятно – выдавливают капитан.

Вероятно, чувствуется людьми, годами наработанная во мне властность. Все последующие дни, на занятиях, капитан находится в форме.

Обыденный утренний завтрак в набитой солдатами столовой. Сегодня, я несу к столу нарезанный хлеборедами хлеб и драгоценное сливочное масло.

Вдруг, резкий толчок... – земля уходит из-под моих ног. Она просто ходит ходуном. Я с трудом удерживаю в руках

разнос. На ближайшем столе – дребезжит посуда. Волнами, волнами идут толчки, постепенно, замирая. Солдаты, и ухом не ведут.

В местах, где прошло моё детство, в горных местах, такие явления – не редкость. Но здесь-то, откуда землетрясение – в простирающейся всюду, голой степи?..

Мы возбуждённо переговариваемся. Вездесущий Володя просвещает

– Это, на полигоне произвели ядерный взрыв. Здесь, это – обычное явление. В Павлодаре мы, тоже, ощущаем толчки. Ждите официальное сообщение.

Чуть позже, по « Маяку», в сводке утренних новостей, действительно, звучит:

– Сегодня, в пять часов тридцать минут по московскому времени в целях ... – ... в Советском союзе, на Семипалатинском полигоне осуществлён подземный ядерный взрыв, мощностью – 20 килотонн.

Боже, – всего, двадцать килотонн...

Глава 13. Дыхание реальной службы

В унылом однообразии завершается март. Наш подполковник иссякает. Всё теоретическое, что он мог преподнести, продиктовано и записано в конспекты. Он всё чаще опаздывает на занятия, отпускает «на самоподготовку» нас заранее. Его можно понять, – ведь его непосредственных обязанностей, по несению основной службы, никто не отменял. Наконец, он обращается ко мне:

– Виктор, проведите несколько занятий по проводной связи. Я сам не силен в проводной связи, а ребятам полезно будет иметь о ней представление, и будут они при деле...

Я соглашаюсь – всё, какая-никакая, работа.

Мои товарищи по комнате толи от желания убить время, а толи действительно, из интереса, одолевают меня вопросами – а как работает телефон, а что такое собственно – сама АТС? Почему – если случается повреждение на кабеле – его устраняют очень долго.

Я стараюсь буквально на пальцах, простым языком, довести до их понимания, в общем-то, очень сложные физические процессы, лежащие в основе организации связи. Вижу – им это интересно, и они довольны собой, когда от моих объяснений у них что-то откладывается в голове.

Так заложено в человеке – любая мелочь, которую он постиг – это всегда открытие. И не важно, что это – мелочь,

сведения о которой никогда человеку не пригодятся. Важно, что он её постиг, и именно это приносит удовлетворение.

Примерно как у меня – в своё время. Уже много знавший теоретически я, наконец, на практике, научился отличать линии связи от линий электропередач. По количеству изоляторов в гирляндах, наконец, научился определять мощность линии электропередачи – сколько было радости, от познания нового...

Но чтобы нормально довести материал до сведения двух десятков слушающих «студентов» – нужно серьёзно готовиться. Целую неделю, теперь, я «убиваю» и своё время, и время взвода.

Между тем, стараниями Валерия Егоровича на площадку между армейскими складами и штабом, кляца гусеницами, однажды резво вползает танк. Мы как раз возвращаемся из столовой. Испортив воздух запахами не отработанной солянки – танк лихо замирает на месте. Вслед за ним из глубины части, из пустоты, появляется бронетранспортёр, и пристраивается рядом с танком.

– Будем заниматься практикой – провозглашает подполковник.

Он хочет, чтобы каждый из нас почувствовал себя членом экипажа боевых единиц и прямо из них, по рации провёл переговоры. Лишних средств связи, которые можно принести в класс для тренировок, у подполковника нет.

Мы все с любопытством крутимся вокруг застывшей тех-

ники. Красивый всё-таки этот Т-55 и одновременно – грозный. Для того чтобы залезть внутрь – через узкий люк башни – надо скинуть шинель. Большинство из нас ограничиваются тем, что взбираются на броню. Заглядывают вовнутрь через открытые люки – что там интересного – железо оно и есть железо, и спрыгивают назад.

Мне любопытно – я спускаюсь в башню. Овальная полукруглая «собачья будка» – мрачная толщ толстого литого железа давящая мёртвой непреклонной твёрдостью. Где-то внизу – в днище, место механика-водителя. Прямо над ним – практически расположив ноги у него на плечах, располагается командир экипажа. Но как в башне может расположиться третий член экипажа – уму невообразимо.

Прямо на днище башни – на голом железе, лежит ватник, вероятно, используемый им в качестве подстилки. Пока я, стоя на коленях, разглядываю внутренности танка, разыскиваю рацию – невольно, головой, несколько раз ударяюсь о нависающую броню.

А что будет в движении... И толстый шлем не спасёт. Стылым, леденящим холодом веет от настоявшейся ночным морозом, брони. И такое чувство, что ты замурован. Есть узкие щели обзора наружной обстановки – триплексы, какой это обзор...

Я пробыл в железной полусфере всего несколько минут... – из любопытства. Мне – достаточно. По телу пробегает лёгкий озноб – а что, если внутри придётся находиться

по-настоящему, и долго. Как это, могут выдерживать люди, даже в мирных условиях. А в условиях боя...

Вот она – настоящая армейская жизнь. Да, наше холодное общежитие – это же настоящий рай! А ведь оберегла, в своё время, меня судьба – перекрывшая мне путь в военное танковое училище «из-за воспалившихся гланд». Как я в юности, неразумный, рвался туда, представлявший себя в будущем, непременно офицером!

Распахнул люки, в промежутках между мощными колесами, бронетранспортёр. Ну, внутри его, всё-таки просторней, он рассчитан на целое отделение солдат. А всё равно – давит и лягается своим железом.

По тактике современного боя, разворачиваясь в атаку, в движении, через эти жерла-люки, выпрыгивая, солдаты должны покидать бронетранспортёр. Какие тут, к черту, правила техники безопасности в понимании мирного производства!

Возле боевой техники всегда, рядом находится смерть, и высшее благо, что эта техника, пусть даже в самых нечеловеческих условиях, всё-таки, даёт какую-то возможность человеку – солдату уберечься от смерти.

Как-то, все мы притихли после «практических» занятий...

Глава 14. Смутная тревога, навеванная статья в газете

Набирает силу весна. Яркими, ослепительными лучами отражается солнце от серебристого снежного панциря, прикрывающего собою поле. Уже привыкли и спокойно реагируют на этот свет глаза. И как-то внезапно, вдруг, истосковавшееся тело по-особому, начинает ощущать реальное солнечное тепло.

Особенно это чувствуется в поле, на тропе, во время субботних, а то и воскресных походов в город. Вынужденное безделье в неприкаянные дни очень ощутимо сглаживают эти походы. Весь март, да и начало апреля, в степи стоит на удивление тихая и безветренная погода. Реальное ощущение неуклонно приближавшейся весны пьянит и напрочь отбрасывает все опасения о возможности появления на длинном, пешем пути, непредвиденных погодных обстоятельств. К счастью, они и не случаются.

Зато, каждую субботу, добравшись до города, я набираю номер домашнего телефона и разговариваю с женой, по которой очень тоскую. Скучаю и по детям. В своём возрасте они сейчас такие забавные... Рома говорит, что всё больше и больше задерживается с ними во дворе по вечерам, во время возвращения из садика. Хорошо детям во дворе, потихоньку изучают мой мир...

Я уже перепробовал все пять, установленных на переговорном пункте междугородных телефонов-автоматов, и среди них появился излюбленный, который и слышимость хорошую обеспечивает и чавкает заглатываемыми монетами через разумные временные интервалы.

Жена по-прежнему, держится молодцом, – раз за разом повторяет, что дома всё в порядке. Короткого временного промежутка в пять – десять минут, в течение которых длится разговор, мне хватает, чтобы успокоить душу.

Кроме забот о доме, тревожно и по другой причине – с третьей декады марта вступает в свои права паводок. Как там на работе? Держат ли удар, с каждым теплеющим днём, от набирающей силу воды – люди. Видит ли она Висящева, и что говорит о состоянии дел Макарычев?

Рома с лёгкостью, и какой-то бесшабашностью, и по этой теме, пытается развеять мои тревоги.

– Да и у них все в порядке! Какой паводок? Уже после восьмого марта, в городе, практически не осталось снега, – выморозили его ночные морозы. Все тротуары сухие! Какой паводок...

– Ну, а телефонов-то в городе много не работает?

– Я, недавно, перебросилась несколькими словами с Макарычевым. Он говорит – повреждений мало. Да не беспокойся ты, они без тебя прекрасно справляются...

Трезвым своим рассудком я понимаю, что так и должно быть – ведь перед паводком повреждения на сети были све-

дены к нулю. Но воображение, накачанное практикой борьбы с прошлыми паводками, упорно навязывает свои виды на вступивший в права, очередной, сложный сезон. Конечно, катастрофической ситуации бояться нечего и всё-таки, всё-таки...

Рома тоже, как и любой человек, не сталкивавшийся с этим явлением на практике – судит поверхностно и не схватывает:

– На тротуарах, только малая, видимая, часть паводка. Основная его сила – в канализации, в колодцах.

Разговоры по телефону с женой подводят черту под ещё одной прошедшей неделей, бессмысленной самой по себе, и тяжёлой, именно, от осознания бессмысленности своего пребывания в военной части. Они являются единственным источником, подзаряжающим душу, наполняют её особым теплом. Его хватит, чтобы полностью растворить тоску, которая периодически будет подкатываться к сердцу, в ходе следующей недели.

Греет и то, что после каждого разговора, – этих, самых длинных в моей жизни, бездельных недель, впереди, становится всё меньше.

Я уже освоился и изучил центр Семипалатинска. И у меня есть время, которое лучше – убить здесь в городе, например, в ближайшем кинотеатре. Дома, для посещения кинотеатра просто невозможно выбраться, а тут, раз в неделю, я смотрю новый фильм. Какой попадётся.

Прошное воскресенье попался детектив «Десять негрят» по роману Агаты Кристи – увлечённый напряжённым, непредсказуемым сюжетом не заметил, как пролетели часы.

Сегодня – «Легенда о Нараяме». Судя по рекламе – шедевр. С трудом удалось заполучить билет. Японские фильмы, особенно, японская литература, всегда необычны и загадочны – особая культура, особая философия. И этот фильм, очень необычен по сюжету, о жизни простых бедных людей в горах, скучной, рутинной, жизни, акцент на изображении течения которой, как-то ненавязчиво и в то же время, неизбежно, настраивает задуматься над вечными, высокими материями духовной жизни, казалось бы, никчёмных людей.

И совсем неожиданно, контрастно, сюжет разбавляется откровенными сексуальными противоестественными сценами человека – полуживотного, по образу жизни, со своей престарелой матерью и вдруг... с собакой. Шокирующие сцены – не укладывающиеся в голове...

Общество, к которому принадлежу и я, совсем не избалованное демонстрацией постельных сцен в кино, довольствовавшееся созерцанием романтических поцелуев – вдруг, вынуждено, совершенно неожиданно увидеть собственными глазами, откровенную мерзость.

Зачем, для чего – кому нужно через такое, – постижение высокого философского смысла? Уверен – многие, как и я – выходят из кинотеатра в смятении, хотя, не показывают вида о своём состоянии – с беспорядочностью в мыслях и в рас-

терянности.

Гласность, в своём триумфальном шествии, явно перешагнула рамки дозволенного, с шокирующей смелостью. И я совсем не уверен, что гадливая информация, излитая ею на нормальных людей, – полезна им, и нуждается в выставлении на всеобщее обозрение, в том числе, и присутствующим в кинотеатре, детям и подросткам.

Как-то по-новому раскрывает Гласность нашу жизнь. А если точно – не только нашу, а уже, по сути, прожитую, наших отцов и дедов. И как-то, тоже, через контрасты. Недавнее, безудержное восхваление позитивной исключительности нашей нынешней жизни резко сменяется отображением самых мрачных её сторон.

Вот, и недавняя статья «Не могу поступиться принципами» безызвестной Нины Андреевой, вдруг, неизвестно откуда появившейся! Статья, откровенным диссонансом выделившаяся, вдруг, из общего направления хода мыслей, и оценок, недавнего прошлого нашей страны, заданного современными идеологами. В статье – попытка защитить это прошлое, попытка остудить горячие головы, занимающиеся, сейчас, шельмованием дел и действий бывших вождей партии и государства.

Статья замечена. И замечена, в первую очередь, потому, что отповедь позиции автора, усмотревшего вред в расширяющейся кампании Гласности и открыто заявившего об этом – очень резкую отповедь, даёт именно, Михаил Сер-

геевич Горбачёв – руководитель КПСС, лично возглавивший Перестройку. А как же иначе! Ведь впервые, советским человеком, – коммунистом Андреевой, открыто подвергается сомнению нынешний курс коммунистической партии. Партии, традиционно сильной единством.

В последнее время я очень внимательно перечитываю и вдумываюсь в материалы прессы. И не потому, что долги-ми, послеобеденными часами, занять себя нечем. Смутную, неосознанную тревогу вызывает разворачивающаяся на глазах, у всего народа страны, и даже, мира – полемика, которую подстёгивает первое лицо государства.

И то, что происходит в жизни, отражается в прессе, и вот теперь – наглядно – в кино, похоже, тесно увязано между собой.

Хорошо думается об этом, в наполненном свежестью поле, на пути из города в часть. Под хлюпанье под разбухшими сапогами, насытившегося талой водой снега, под размешанный этим хлюпаньем мерный, поставленный шаг. Раз-два... раз- два...

Десять километров туда – десять километров обратно... Когда голова лопается от размышлений – быстро заканчивается и длинный путь.

Глава 15. Визит к начальнику ГТС

Между тем, я и мои товарищи по «службе» вполне освоились со своим положением. Приспособились к обстоятельствам, каждый в соответствии со своими пристрастиями. Главная заповедь – не мельтешить перед глазами у военного начальства и вести себя тихо, и неприметно. Ведь, по большому счету – здесь мы никому не нужны.

По воскресеньям, не пешком, а на армейском автобусе, вырываемся в городскую баню – в этот день она не так полна местным людом, как в субботу. Давно уже обнаружили, что на территории части существует, правда не бесплатная, офицерская столовая с приличным набором обычных, гражданских блюд, активно пользуемся ею в пятидневку и лишь, в два последних дня недели, когда она закрыта – вынужденно, посещаем солдатскую столовую.

Истина – в сравнении. Боже, насколько убога, именно по причине унылой однообразности, после офицерской, или – просто гражданской – солдатская пища.

А жизнь течёт. Уже не грех подумывать нам – партизанам, и о дембеле...

Как-то, оказавшись в штабе у армейского коммутатора – обращаю внимание, что абонентские проводки телефонов штабного начальства состоят сплошь из скруток. Как по ним работают телефоны – одному Богу известно. Хотя нет, из-

вестно и Валерию Егоровичу.

– Не связь, а сплошные слезы – сетует он. Ну не полевой же провод протягивать по кабинетам...

И вдруг его осеняет:

– Виктор, ну вы же, наверное, знаете местных, гражданских связистов. Может быть, сможете достать у них, хотя бы метров тридцать, комнатной проводки?

А что я? – Конечно, смогу. И хотя с местными связистами совсем не знаком, но и мне самому, очень хочется побывать на Семипалатинской ГТС, обменяться проблемами, может быть, почерпнуть что-то полезное из их опыта. И паводок у них в городе – не меньше нашего, Синегорского. Как у них с повреждениями?..

Сам бы не решился к ним сходить, а тут – подполковник просит. Неудобно отказать. Да и день среди недели, значит, пройдёт интереснее.

Телефонная станция – тоже в центре города. Отыскать её не стоит труда. Вход с внутренней стороны двора, того же корпуса здания, где располагается, и ставший уже мне родным, центральный переговорный пункт.

Добираюсь до приёмной. Прошу у секретарши аудиенции с директором. Представляюсь как начальник Синегорской ГТС. Секретарша оглядывает недоверчиво мою амуницию – что мол, за маскарад, но в кабинет пропускает.

Директору, похоже, тоже странно, что начальника связи областного центра и вдруг, призвали в «партизаны»?! Но он

не подаёт виду. Чувствуется, что у него сейчас запарка – паводок в разгаре. Особо обмениваться мнениями – времени нет, но вежливость обязывает. А в принципе, нам вполне достаточно кратковременного разговора, из которого понятно – проблемы по связи у казахстанских гэтээсников абсолютно одинаковы. Так, – различаются маленькими вариациями...

На прямой вопрос: – а сколько в городе, сейчас, кабельных повреждений? – обречённо махнув рукой, проговаривается директор – более пятисот...

– Кабеля нет... Кабельщиков не хватает... Установки телефонов делать надо...

И видно по его лицу, что он смирился с этим количеством, и воспринимает состояние своей сети, как неизбежное. Мне, тут же, вспоминается мой двухгодичной давности горе-главный инженер Областного управления Искандеров, тоже, пытавшийся убедить меня, что триста кабельных повреждений для города Синегорска – вполне нормально.

Услышав о том, что месяц назад, мой коллектив свёл кабельные повреждения на сети к нулю – смотрит на меня как на безнадёжного фантазёра.

А ведь действительно, что с меня взять, – вид солдатский, погоны офицерские, и в голове – похоже, бред. Но вслух – усомниться не решается. Всё явственнее проглядывается – ему действительно, некогда. Время вежливого диалога выдержано. Уяснив конкретную цель моего визита, деловито

распоряжается мой коллега принести провод ТРП – «лапшу», как его называют связисты. Целых сто метров комнатной проводки! Вроде и чудик перед ним, но всё-таки связист, – как ему откажешь...

Мой подполковник безмерно рад, будто с неба свалившейся ему, драгоценности. А меня, после похода на местную ГТС, с новой силой захлёстывают переживания и невесёлые предположения. Так ли всё благополучно у Макарычева в действительности, как рапортует моя жена.

Скоро, уже скоро, закончится навязанное мне «добрым облвоенкомом» безделье. Осталось, чуть более двух недель, и окунусь я опять в бурную напряжённую жизнь, где только успевай поворачиваться – стресс слева... нахлобучка справа... недовольство сверху – на голову...

Моя война – не здесь, в армии. Моя война там – в абсолютно мирной жизни, на гражданке. Только оружие там не пули, а слова и эмоции мирных людей. Часто, жалящие душу гораздо эффективней, чем просто, физические раны... Мне всё более и более тревожно за состояние дел на МОЕЙ войне.

А наш подполковник, вдруг, начинает готовиться к учениям. Где-то в полях, под Аягузом, стягиваются запасники, такие же, как мы горемыки, а может ещё и более. Живут в поле, в развёрнутом палаточном городке... Валерий Егорович не распространяется о деталях, но наше, обязательное участие в этих, намечавшихся учениях, обещает.

А пока, мы вместе с ним, лихорадочно начинаем готовить связистскую матчасть. Время теории закончилась. Целую неделю, организованной группой, сразу же после завтрака, пересекаем всё ещё покрытый снегом, пустырь в глубине части и оказываемся на территории, оборудованной для хранения военной техники.

Вот она – мощь армии. Стройными рядами стоят бронетранспортеры и боевые машины пехоты. Уставились стволами грозных пушек в одном направлении танки разных модификаций. Но наиболее внушительно и впечатляюще выглядят ощерившиеся ракетами мобильные зенитно-ракетные комплексы. По словам моих товарищей, знатоков, – они могут поражать одновременно несколько воздушных целей. Вот тот комплекс, который мы видим прямо перед собой – сразу четыре! Грозная техника – от одного её вида захватывает дух.

Но не эта техника – наша цель. Нам поставлена задача – подготовить подвижный узел связи. На платформе-эстакаде стоит КУНГ – напичканный электронной техникой. Набором радиостанций различных модификаций, набором компактных, быстро разворачиваемых антенн, первичными и вторичными источниками электропитания, автономным дизель—генератором.

Тесно в КУНГЕ – с трудом умещаются в нем два человека. Но нам особо в «салоне» крутить ручки настроек – времени нет. Это будет потом. Сейчас же наша задача – установить

КУНГ на голую раму военного автомобиля.

Мне удивительно. Чуть ли не крылатые ракеты рядом и... военный узел связи, ... на задрипанном, времён царя-Гороха, автомобиле – ГАЗ-63???.

Да-а, – судя по типам стоящих на вооружении радиостанций и этого автомобиля – комплектование войск связи, вразрез с опытом прошедшей войны, в армии до сих пор, осуществляется по остаточному принципу. Или это, просто, частный случай?..

Судя по тому, как подполковник по-хозяйски, даже с удовольствием, «смакует» свою технику – это вряд ли.

Тяжёлый, весом более тонны КУНГ. Навалившись всей массой, путаясь в шинелях, и мешая друг другу, перемещаем его на шасси пристроившегося рядом с платформой, автомобиля, прямо на руках.

Опасная, очень опасная работа! Подполковник явно нервничает, но другого способа выполнения задуманного, у него просто, нет. Наконец, будка прочно легла на раму. Утираем вспотевшие лица, подполковник, а вместе с ним все курящие – с наслаждением потягивают сигареты.

Мне очень хочется влезть в КУНГ и основательнее ознакомиться с его содержимым – но нельзя, КУНГ прежде надо основательно закрепить к раме. Но, это мы будем делать уже завтра – сейчас, время обеда наступило. А после обеда в соответствии, с установленным ранее для учёбы, порядком – и работать нам не положено.

Ещё два неполных дня убиваем на изучение содержимого КУНГА. Много времени ушло на писанину в классе, а на деле – всё гораздо проще, и на практике познаётся лучше, и закрепляется основательно.

Найти и включить тумблер питания. Настроиться на фиксированную волну. Манипулируя тангентой радиотелефона, так чтобы не срезать начала и окончания слов, своевременно переводить её из режима передачи в режим приёма:

– Волга, Волга я Дунай. Как слышишь меня? Приём...

Всё это, очень быстро надоедает.

На четвёртый день практических занятий, утром, во время завтрака, опять, внезапно содрогается земля. Уходит из-под тела скамейка. Подпрыгивает, едва не расплеснув своё содержимое, посуда на столе. Это опять проведено очередное испытание ядерного заряда на полигоне. Как мы понимаем, в полном соответствии с международными договорённостями. Раз в месяц, в одно и то же, строго оговорённое время. Мощностью, как известит чуть позже диктор по радио – двадцать килотонн...

Мы не знаем, связано с этим или нет – но в этот же день, подполковник объявляет нам, что учения для нас отменены.

Глава 16. Пора – домой

Всё наше дальнейшее пребывание в армии утрачивает свой смысл. А между тем, до окончания назначенного срока остаётся ещё целая неделя. Мы тут же, начинаем в мыслях упаковывать чемоданы, однако подполковник остужает нашу радость. Он объявляет, что никто из нас не покинет части ранее предписанного в приказе срока. Все необходимые документы нам будут выданы в последний день, перед убытием. В этот же день мы получим и полагающееся денежное офицерское довольствие – сразу за два месяца.

Мы наседаем на Валерия Егоровича. Как же так, ведь нам необходимо заранее приобретать билеты – кому на поезд, кому на самолёт. Уезжать придётся в период предпраздничной первомайской нагрузки – их ещё достать надо. Подполковник неумолим – время нашего убытия не он определяет.

Я по натуре, дисциплинированный человек и по большому счету понимаю, что железная дисциплина и порядок для армии – благо, но в данном, конкретном случае, она высвечивает боком, на котором лоснится тупость, инертность и раздражающая бессмысленность.

– Товарищ подполковник, – ладно, черт с ним, с досрочным убытием, но мы же, все, обезденежили за два месяца. Согласитесь, просить жён, чтобы они прислали денег для покупки билета на отъезд из армии, как-то не солидно. Уж де-

нежное довольствие, дня за три до отъезда – наверное, можно выхлопотать – хотя бы, за первый месяц...

Подполковник обещает справиться у финансистов. Неуверенное выражение на его лице в этот момент совершенно не вяжется с бравым видом и уверенной выправкой. Но лицо – лицом, а наработанная годами многолетней службы настойчивость и решительность делают своё дело. На следующий день, довольный, он приглашает нас в штаб для получения денег – но только, за первый месяц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.